

Сергей КИРИЛЛОВ

УЙДОМА

Повествование

(Журнальный вариант)

Книга третья¹

ГРОЗА

Часть первая

Глава третья

– 1 –

Около полуночи резко зазвонил телефон, и схвативший трубку телефонист почти сразу же повернулся к своему командиру:

«Товарищ лейтенант, вас округ!»

Мишка Питухин подскочил к столу, взял трубку и чётко представился.

«Соедините меня с командующим армией!» — прозвучало в трубке.

Мишка быстро выполнил необходимые переключения и стал вызывать командарма. Тот, на удивление, отозвался очень быстро, и Питухин, завершив соединение, доложил в вышестоящий штаб:

«Командарм на проводе!»

«Доложите обстановку!» — прозвучал в трубке голос командующего округом.

«Обстановка спокойная, товарищ командующий. Никаких происшествий не случилось, войска отдыхают».

«Как на границе?»

«Никаких изменений нет».

Несколько мгновений в трубке стояла тишина. Слышалось лишь лёгкое потрескивание и столь же еле слышимый шорох.

«Твой сосед слева докладывает, — ожила трубка, — что к ним из-за Буга перебрался перебежчик и сообщил, что германские войска готовят нападение на нас. Что ты на это скажешь?»

«Ну, это-то мы и так знаем, — усмехнулся командарм. — Достаточно взглянуть на концентрацию немецких войск вдоль наших западных границ, о которых постоянно докладывает наша разведка, чтоб всё понять и без перебежчика».

«Я не об этом, — уточнил командующий. — Перебежчик утверждает, что нападение начнётся сегодня ночью. Он называет даже время — три часа. Что ты на это скажешь, Константин Дмитриевич?»

«А не провокация ли это, Дмитрий Григорьевич? — ответил командарм. — Не для того ли послан немцами этот перебежчик, чтобы переполошить нас, посеять панику, толкнуть на какие-то действия?»

«Вот и я этого опасюсь, — отозвался командующий. — Поднимем тут шум из-за пустяка, а после крайними останемся».

¹ Книги первая и вторая «Уйдомы» опубликованы в №№9-11 «Невского проспекта».

«Я считаю, что нам ничего менять не надо, — продолжил свою мысль командарм. — Нам надо действовать по плану. Москва этот план утвердила, и мы должны его исполнять».

«Хорошо! — согласился командующий. — Так и будем действовать. О любом изменении обстановки докладывай немедленно!»

В трубке щёлкнуло, и голос командующего смолк. Разъединение со штабом округа произошло, но командарм был ещё на связи.

«Всё слышал?» — спросил он у Питухина.

«Так точно, товарищ генерал!»

«О малейших происшествиях докладывать мне немедленно! Даже о потере связи с каким-нибудь полком или батальоном, не говоря уж о большем. Действовать строго по инструкции: документы вышестоящих штабов передавать только в зашифрованном виде! Вам ясно, товарищ лейтенант?»

«Так точно!»

Всю ночь после этого Мишка прожил с думками о доме. Ближе к рассвету раздался сигнал аппарата спецсвязи. Мишка немедленно связался с командармом и доложил:

«Товарищ генерал, директива Генштаба!»

«Еду!»

Через несколько минут командующий армией был уже на месте. Он сразу шагнул к аппарату спецсвязи и стал считывать сообщение с ленты, быстро пропуская её между пальцев.

«Связь с командирами корпусов!»

«Слушаюсь!» — Мишка бросился выполнять приказание. В этот момент зазвонил телефон, и голос на другом конце провода потребовал:

«Срочно соедините меня с командующим армией!»

«Товарищ генерал! — вскочил с места боец с трубкой в протянутой руке. — Вас!»

«На связи!» — взял трубку командарм.

«Товарищ командующий! Докладывает командир 9-й смешанной авиадивизии генерал-майор Черных. Передовые посты наружного наблюдения сообщают, что линию государственной границы пересекла большая группа самолётов! Судя по звуку, приближается вторая...»

«Что за самолёты? — перебил доклад командарм. — Докладывайте яснее!»

«Принадлежность самолётов установить не удаётся — опознавательных знаков не видно. Но есть предположение, что это — германские самолёты».

«Поднять дежурные смены истребителей! Но огня не открывать! Самолёты не сбивать! Выяснить их принадлежность и принудить к посадке, — командарм передал трубку телефонисту: — Округ! Командующего Павлова лично! Срочно! — похоже было, что в эту тревожную ночь никто не ложился спать и все были на своих местах, потому что соединение с командующим округом произошло почти мгновенно. — Товарищ генерал армии! — вытянувшись, заговорил командарм. — Докладывает командующий 10-й армии генерал-майор Голубев. От командира 9-й смешанной авиадивизии получено сообщение о нарушении государственной границы на участке моей армии большой группой самолётов неустановленной пока принадлежности. Согласно доклада, на подходе ещё одна группа. Обе идут на большой высоте. Направление движения — на восток».

«Директиву Генштаба получил?» — сухо спросил командующий.

«Так точно, товарищ генерал армии! Только что ознакомился».

«Выполняй!»

Командарм оцепенел. Он, конечно, был до предела взволнован, он, конечно, знал, что приказы вышестоящих штабов и командиров необходимо исполнять точно и без разговоров, но даже будучи генералом, командующим целой армией, он оставался прежде всего человеком и ждал сейчас хоть каких-то пояснений от своего непосредственного начальника. Ведь это же ненормально, если большая группа чужих самолётов залетает на территорию государства. Ладно, если один или два самолёта, их считали заблудившимися, а тут группа. На большой высоте. И уже не одна группа. «Это же ненормально, товарищ командующий! — хотелось закричать в телефон командарму. — Надо же принимать какие-то меры! У тебя же гораздо больше власти! Ты же гораздо ближе к Москве. Больше знаешь! Что делать?!» И вместо ответа на все вопросы, бурлящие в голове, короткий отзыв: «Выполняйте приказ!»

Не знал генерал Голубев, что его прямой начальник генерал армии Павлов, командующий одним из самых мощных в военном отношении округов, был скован в принятии решений по рукам и ногам той же самой директивой наркома. Более того: он был скован личным приказом наркома, отданным ему по телефону при докладе о нарушении границы.

«Имейте в виду, товарищ Павлов, — подчёркивал нарком, — без прямых указаний

меня лично или начальника Генштаба генерала Жукова никаких мер не принимать! Самолёты не сбивать! Огня не открывать! Через два часа мы собираемся у товарища Сталина и будем обсуждать ваши сообщения. Ждите».

И всё! И разговор закончен! И что делать?

– 2 –

А в это самое время на другом конце провода, положив трубку на аппарат после одного тревожного доклада от границы, командующий округом генерал армии Павлов тут же был вынужден взять её снова, чтобы услышать такие же тревожные сообщения и с других участков границы. О пролёте большой группы самолётов докладывал и командующий третьей армией генерал-майор Кузнецов с северного фланга войск округа, и командарм четвёртой генерал-майор Коробов из района Брест-Литовска, и оба они, заканчивая доклад, ждали указаний от него — хозяина всех военных на огромной территории Белоруссии. И вместо них: «Огня не открывать! Самолёты не сбивать! На провокации не поддаваться — это приказ Москвы!»

Что за чёрт? Для чего ж тогда они все выдвинулись к самым границам острым углом Белостокского выступа? Не для того ли, чтобы эти границы оборонять? Ведь в директиве наркома, доведившей задачу округа до всех её исполнителей прямо говорилось: «Оборонять госграницу от внезапного вторжения вооружённых сил противника на территорию СССР. Прорвавшиеся через госграницу части противника окружить и уничтожить!»

И ведь силища какая в округе! В одном только 6-м мехкорпусе 10-й армии более 1100 танков. При этом Т-34 и «КВ» 400 с лишним. А у них же пушки такие, что любой немецкий танк прошибут, как картонную коробку, с дистанции в 1000 метров. Про «КВ-2» и вообще говорить нечего: шестидюймовое орудие, изрыгающее снаряды в 43 килограмма весом каждый, можно встретить только на кораблях, да и то не на всех. При этом сами они неуязвимы против огня любой противотанковой артиллерии противника и уж тем более огня их танков даже с дистанции в 500 метров. А ведь есть ещё и 13-й мехкорпус. И пусть в нём танков втрое меньше, чем в 6-м, но ведь всё равно же три дивизии. И всё это на самом острие Белостокского выступа. На расстоянии одного броска от границы. Это же сверхмощный бронированный кулак, перед которым ничего не устоит.

А самолёты? Одних только новейших МиГов в 41-м истребительном полку смешанной авиадивизии 100 штук. И они в 12 километрах от границы. А что это такое — 12 километров для истребителя? Да они же набор высоты завершат над сопредельной территорией, если будут взлетать направлением «на запад». А в трёх других полках МиГов ещё почти 200 штук. Да «ишачков» во всех полках за сотню перевалит. И всего более 400 штук. И всё это не далее 20 километров от границы. Да если всю такую силищу поднять одновременно в воздух, они ж и небо закроют. И это только одна 10-я армия. С ней только 9-я в Киевском особом может по мощности сравниться. И та тоже на острие выступа, только Львовского. У самых границ с Румынией. Но ведь и справа, и слева от 10-й ещё две, пусть и поменьше силой. И ведь ещё же и 13-я во втором эшелоне. И все на 80-90 процентов отмобилизованные. У всех срок готовности к выступлению в поход передовых частей не более 6 часов. А эти передовые части — 4/5 от наличного состава. Да кто ж это посмеет на такую силищу-то посягнуть? Даже сумасшедший поумнеет в одночасье, коль ему всё это показать. Поумнеет и не рыпнется. А ведь в германской армии командуют не сумасшедшие. Выходит, права Москва? Выходит, лезут немцы на рожон, чтоб только нас спровоцировать, а уж потом в ответ напасть. Как вроде для защиты. Вот, мол, смотрите, люди добрые, что-де Сталин вытворяет! Договор нарушил, нападение устроил! И уж во всех грехах смертных Советский Союз обвинить.

«Но, чёрт возьми, и чем им нападать-то? У них же танки против наших «тридцатьчетвёрок», а тем более «КВ», не более чем фанерные коробки. И числом они намного меньше. Ведь прозвучало в докладе Ворошилова, что «за 9 лет, прошедших перед подписанием пакта о ненападении с Германией, количество танков в Красной Армии увеличилось на 4200 процентов». Нелепая вроде бы цифра, но нарком её расшифровал, добавив к сказанному: «Это в 43 раза больше, чем было». И газета «Правда» эти слова наркома опубликовала на первой полосе в номере от 2 сентября 1939 года. Значит, это чистая правда. А самолёты? Ведь наши истребители самолётам ихним и пикнуть не дадут! Ведь такая масса в одной только 10-й армии! И вся рядышком с границами...»

Резко зазвонил телефон. Павлов схватил трубку и почти тотчас услышал в ней срывающийся голос командарма Голубева:

«Товарищ командующий! Немцы бомбят наши аэродромы!»

«Какие аэродромы?» — вырвалось у Павлова.

«Все! Все аэродромы базирования 9-й авиадивизии подверглись массированной бомбардировке. Самолёты горят. Командиры докладывают о потерях в лётном составе. Что делать?»

Господи! А и правда: что теперь делать? «Ввести в действие план прикрытия», — ключевая фраза, которая позволяла вскрыть «красный пакет» с перечнем детально разработанных мероприятий на этот случай, если она произнесена лично наркомом или начальником Генерального штаба Жуковым, — так и не прозвучала ни по одному каналу связи, а обстановка властно требовала принятия решений. Только что в своих размышлениях командующий пришёл к твёрдому выводу, что напасть на СССР, сверхмощно вооружённый, не посмеет даже сумасшедший, и вдруг бомбёжка. Неужели и это провокация? Но ведь горят же самолёты. Гибнут люди. Какая это, к чёрту, провокация! И в то же время личное напоминание наркома: «Огня до особых распоряжений не открывать! Самолёты не сбивать! За выполнение приказа отвечаете головой!»

«Директиву Генштаба о возможных провокациях читали, товарищ генерал?» — строгим официальным голосом спросил Павлов у подчинённого.

«Да, но...»

«Никаких «но»! Выполняйте! Это приказ Генштаба! — командующий бросил трубку и потребовал срочную связь с Москвой. — Товарищ нарком! — докладывал он через несколько секунд. — Немцы бомбят нашу территорию! Уже есть потери в личном составе. Это не похоже на провокацию».

«В семь часов мы собираемся у товарища Сталина, — прозвучал ответ в трубке. — Будем решать. Ждите указаний».

И всё! И никаких звуков более. И почудилось боевому генералу, что попал он между двух губок огромных тисков: с одной стороны жмут немцы своими бомбардировками, требуя незамедлительных ответных мер, а с другой жмёт Москва, выдвигая до предела необъяснимые требования — ждать.

— 3 —

Директива №1

1. В течение 22-23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриВО, ЗапВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укреплённых районов на западной государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительно подгёма приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

*Нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко
Начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков*

И вот что это? Как всё написанное понимать? Ведь всего несколько часов назад — во второй половине минувшего дня 21 июня — по указанию того же Генштаба, Павлов отдал приказ войскам округа об отмене полной боевой готовности, введённой за два дня до этого. Согласно этого нового приказа, командному составу было разрешено отбыть к семьям, отозванным из отпусков по предыдущему приказу командирам разрешалось продолжить отпуск, а всему личному составу войск на следующий день объявлялся выходной день. В частях оставались лишь те немногие командиры, которые заступили в наряд. И почти во всех гарнизонах вечером 21-го июня организовывались массовые культурно-развлекательные мероприятия. Сам командующий округом вечером присутствовал на спектакле в минском Доме офицеров! И вдруг — на тебе... Что значит — «не поддаваться ни на какие провокации» и в то же время «быть в полной боевой готовности встретить возможный удар немцев»? Но встретить удар может означать только одно: открыть огонь. И как в таком случае «не поддаваться на прово-

кации?» Как встретить врага, не поддаваться на провокации и «никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить», если это «может вызвать крупные осложнения?» Что имеется в виду под другими мероприятиями? А как привести ПВО в полную боевую готовность, если большая часть зенитных дивизионов войск округа вместо боевого дежурства в своих частях, опять же по указанию Москвы, находятся не только не на близлежащих полигонах, а на окружном полигоне в 120 километрах восточнее Минска?

А как вообще понимать это слово — «провокация»? Ведь если, к примеру, немцы встанут шеренгой на другом берегу Буга, скинут штаны и повернутся в сторону границы голыми задками, выставив их при этом в наклоне вперёд, — это одно. На это можно и не поддаваться. А если через эту самую границу они поползут, как тараканы, и при этом откроют огонь? Ведь тогда остаётся одно из двух: либо добровольно подставлять свои головы под их пули, либо отступать. Ведь «задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать крупные осложнения!» Значит, стрелять нельзя! А куда отступать, ежели так? До какого рубежа это позволительно?

Как понять «рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию?» А сейчас-то она где? Ведь не в Минске же расселась. Почти все истребители на этих самых полевых аэродромах близ границ и уж не первый день. И все эти аэродромы давно известны германскому командованию и уж не раз сфотографированы его самолётами-разведчиками. Генштабу ли не знать о случае вынужденной посадки весной одного из таких самолётов на наш аэродром. Самолёт, напичканный специальной аппаратурой под завязку, залетел на нашу территорию, как говорили, по ошибке и был отпущен восвояси с миром. Да что самолёты-разведчики! Командир 122-го истребительного авиаполка, расположенного в 15 километрах от границы в районе Гродно, докладывает, что его лётчики при облёте границы с высоты 2000 метров видят аэродромы на сопредельной стороне и всё, что на них делается. Значит, и немецкие лётчики, даже не нарушая границу, имеют возможность видеть то же самое на наших аэродромах.

А какие аэродромы имеются в виду в директиве? Ведь аэродром же не полянка в роще с кустиками по краям, а самолёт не лошадь, которую можно за уздечку взять и в кусты эти самые для маскировки отвести. Для рассредоточения он должен с одного аэродрома взлететь и на какой-то другой сесть. На какой? Куда, если и так уже на всех приграничных аэродромах авиация округа давно сосредоточена и самолёты стоят крыло к крылу? И что это вообще такое «перед рассветом 22 июня?» Выходит, всю ночь напролёт вся авиация округа должна взлетать в одном месте, крутиться в потёмках неизвестно где — районы же рассредоточения не указаны — и потом в темноте же садиться на неизвестный аэродром? Да они что там, в Генштабе, с ума сошли все, что ли? Не понимают, что приказывают? Каким количеством лётных происшествий это грозит и какими потерями в матчасти и лётном составе даже без всякого нападения! Это же паранойя какая-то, а не документ высшей инстанции военного ведомства! Даже плохонький унтер, хоть бы год прослуживший в армии и понохавший порохов, такой приказ не отдаст. И ведь есть же «красная папка», где всё расписано по часам и пунктам ещё в мае месяце. Чего проще — отдать приказ вскрыть её? Зачем нужно это многословное непонятное сочинение под названием директива №1?

Всю ночь командующий и весь штаб округа во главе с генералом Климовских ломали голову над тем, как им поступить, и не находили ответа.

Снова зазвонил телефон. Командующий машинально бросил взгляд на циферблат — 7 часов.

«Товарищ командующий! — зазвучал в аппарате голос командующего 4-й армией. — Немцы взяли Брест-Литовск!»

Павлову показалось, что у него из-под ног ушла земля. «Как взяли Брест-Литовск! — взорвалось в мозгу. — Там же целый мехкорпус у самой границы. И пусть в нём втрое меньше танков, чем у Хацкиевича в 6-м, но ведь одна из его танковых дивизий прямо в Брест-Литовске. Танковая дивизия. А перед немцами Буг. Как можно взять Брест-Литовск с его мощнейшей крепостью, форсируя при этом Буг против такой силы и за такое короткое время?!»

«Их танковые колонны стремительно движутся по шоссе на Кобрин!» — доносилось из трубки дальше.

«Какие колонны?! — хотелось закричать командующему. — Откуда здесь немецкие танки? Как они переправились через Буг? Почему колонны? Ведь это же не колхозные трактора с возами сена с близлежащих лугов. Это же танки! Они же должны атаковать развёрнутым фронтом. Их же должна подбивать наша артиллерия, в огромном количестве сконцентрированная у самых границ. Что, наконец, делает наша авиация?»

«Генерал Копец! — в сердцах крикнул он командующему ВВС округа. — Где наша авиация? Где самолёты?»

Молодой поджарый генерал со звездой Героя Советского Союза на груди, полученной, как и у командующего, за успешные бои в Испании, который никогда за всё время своей службы в должности командующего ВВС не ездил с инспекцией своего хозяйства по аэродромам его базирования на машине, а всегда летал только на персональном истребителе, вытянулся и глухо, но отчётливо доложил:

«Все приграничные аэродромы базирования атакованы авиацией противника. Некоторые обстреляны даже его артиллерией. В матчасти истребительных полков и дивизий большой урон. Уцелевшие самолёты не могут взлететь из-за разбитых взлётно-посадочных полос. В лётном составе значительные потери.»

«Что значит — значительные потери?»

«Уточняем, товарищ командующий. Связь с частями неустойчивая».

Павлов вдруг вспомнил: ведь в Брест-Литовске главный военный госпиталь Белорусского военного округа. Прямо в крепости, на одном из её островов, который вслед за переводом туда лечебного учреждения ещё после завершения польского похода поэтому так и называли — Госпитальный. Как он сопротивлялся в своё время такому переводу! Называл это решение чуть ли не вредительским. «Ведь это же главный госпиталь целого округа! — говорил. — Он же должен быть в глубоком тылу, в середине округа, а не на расстоянии броска ручной гранаты от государственной границы на самом краешке советской земли!» Но Москва настояла на своём, и вот результат.

«А как крепость?» — задал он вопрос в трубку.

«Крепость ведёт бой, — последовал ответ командарма. — Пограничным заставам помогает и гарнизон».

«Какова численность гарнизона крепости?» — обратился Павлов к начальнику штаба.

«Общее число бойцов и командиров до двух дивизий, — последовал ответ, — но они все из разных частей без единого руководства».

«Какая перед ними поставлена задача?»

«В случае объявления тревоги они должны выйти из крепости и занять заранее определённые позиции в полосе укреплений».

«Вышли?»

«Сведений не имеется, но теперь, после доклада Коробова, можно предположить, что нет. Если Брест-Литовск захвачен немцами, крепость блокирована, и у находящихся там войск нет выхода».

Командующий сделался мрачнее тучи. Брест-Литовск захвачен. Укрепления, которые строили много месяцев подряд, не заняты войсками, немецкие танки колонной идут на Кобрин. Почему колонной? Почему их никто не останавливает? И вообще откуда они здесь? Ведь Буг же не маленький ручеёк, это судоходная река вдобавок с топкими берегами. Не знал ещё командующий, что немцы захватили целёхонькими все мосты через Буг в районе Бреста и немедленно воспользовались представившейся возможностью переправить на другой берег тяжёлую технику. Он уже многое не знал из стремительно менявшейся обстановки. И в немалой степени из-за неустойчивой связи. Но он понял главное.

«Какие будут приказания?» — вопросом закончил доклад командарм. И командующий округом принял решение.

«Приказаний не будет! — громко ответил Павлов. — Отдавать приказания, не зная точной обстановки, не имею права. Могу сказать только одно: это война! Действуйте по обстановке самостоятельно», — и в бессилии от взявшей за горло беспомощности рухнул на стул.

Резко зазвучал сигнал аппарата спецсвязи.

«Ну, наконец-то! — мелькнуло в голове. — Наконец-то Москва».

Командующий схватил трубку и услышал голос наркома:

«Немедленно отдайте приказ войскам округа остановить немецкое вторжение! Поднимите всю авиацию и нанесите массированные удары по аэродромам базирования противника и по его прорвавшимся через границу войскам...»

«Поздно! — хотелось выкрикнуть Павлову. — Нечем наносить! Вся авиация округа попала под бомбёжку немцев и понесла большие потери. Уцелевшие самолёты не могут взлететь из-за разбитых взлётно-посадочных полос. Нужно время, чтобы их восстановить. Приказ невыполним из-за отсутствия средств для его выполнения. Брест-Литовск захвачен врагом. Танковые колонны противника, не встречая никакого сопротивления, движутся как к Кобрину на юге, так и к Гродно на севере. Мощнейшая 10-я армия, сконцентрированная на острие Белостокского выступа, осталась без дела. Её просто обходят с флангов».

«...Навалитесь на противника всей силой и вышвырните его обратно за границу! — продолжал звучать голос наркома. — Но линию границы пока не переходить! Ждите указаний Москвы».

И Павлов понял: он и нарком находятся на разных планетах. Там — у наркома — райские кущи, здесь — в Белоруссии — сущий ад. Да и говорят на разных языках. Один из них, наделённый высшей военной властью, так и остался в плену предвоенных планов, в которых даже не рассматривался вариант нападения извне кем бы то ни было, поскольку это было бы безумием, равным самоубийству для нападающего. Даже на стратегической игре в Генштабе, которая касалась Белорусского военного округа, проведённой минувшей зимой, на картах отрабатывались только варианты прорыва Красной Армией обороны противника на большую глубину. Для другого же из этих двоих, попавшего в жесточайшие тиски безысходности положения, все эти грозные окрики из Москвы походили больше на истеричные взвизгивания щенка, которому прищемили хвост, нежели на чёткие приказы, продиктованные реальной обстановкой. И командующий округом понял: произошло самое страшное из того, что только могло произойти — Красная Армия потеряла управление на самом верху.

Глава четвёртая

– 1 –

Стёпке Горшкову повезло. Как и Родьке Коняхину — младшему Отрохичеву сыну. Мало того, что они оба в одну часть попали, так ещё же и в одну роту. И даже в один взвод этой стрелковой роты. В общем-то, при нормальном течении жизни этого быть бы никак не могло, ибо Стёпке по старому закону призываться надо было бы ещё два года назад — оставили в покое парня потому, поди, что он уж был к той поре семейным — а вот Родька под призыв в 1939-м бы не попадал годами. Но после грянувших тогда — в сентябре — перемен и нового закона, устроившего настоящую мешанину в призывных возрастах, под одну гребёнку в злосчастном том 39-м попал и Стёпка, хоть и был он уж на двадцать четвёртом году, и Родька, хоть и исполнилось ему всего-то двадцать. После памятного всем уйдомцам массового «забора» всех молодых парней деревни в армию никто из них не мог похвастать в письмах, что оказался служить с кем-то из земляков. Всех раскидало кого куда поодиночке, а вот Степан с Родькой оказались в одном взводе. И хоть нешибко кто в деревне якшался с Отрохичами, но ведь недаром же говорится, что «на чужой сторонushке рад и своей воронushке». И Стёпка с Родькой сошлись близко. Родикон оказался нормальным парнем.

13 июня 1941-го года получила их дивизия очень необычный приказ: покинуть место постоянной дислокации и в три перехода выдвинуться на запад в сторону границы. «Для проведения манёвров на новой линии обороны» — так этот приказ гласил. Причём переходы ночные. Конечным пунктом маршрута обозначен был лесной квадрат в полутора десятках километров от Брест-Литовска. Оборонительные позиции, о которых говорилось в приказе, предписывалось пока не занимать, а надлежало встать лагерем в этом лесу с соблюдением всех правил маскировки и ждать дальнейших указаний. Ещё в приказе говорилось о строжайших мерах секретности и запрещении любых разговоров о переходе даже с самыми близкими людьми. Идём, мол, на манёвры. Но с собой предписывалось взять всё носимое и возимое имущество. А вот жён и семьи комсостава предписывалось, наоборот, не брать. Обо всех этих тонкостях, понятное дело, бойцы не знали. Да и командиры знали не все и не всё, но вот как раз эта секретность всех и переполошила. Ну, ладно, жён и семьи комсостава не брать с собой — это понятно: нечего им делать в поле в палатках. Пусть дома посидят и подождут, чай, не впервой. Но имущество-то? Имущество зачем всё забирать с собой? Ведь если на манёвры, то и брать с собой надо лишь то, что на этих манёврах потребуются. А тут всё! Но жён и семьи комсостава оставить. Это как же понимать? Всё возимое и носимое имущество любая воинская часть может взять с собой только в одном единственном случае: она переезжает на другое постоянное место дислокации, где всё оборудовано для жизни и боевой учёбы личного состава. Или, в крайнем случае, где всё это ей самой надлежит оборудовать своими силами. Но этот крайний случай тоже может быть только один — война! Во всех других случаях в любой армии мира — а Красная Армия не исключение — есть тучи интендантов, которые по полям пузом не елозят, штыками чучела не колют, окопы полного профиля не роют, а вся их обязанность заключается в том, чтобы обеспечить всем необходимым любую воинскую часть. И первое из этих необходимых мероприятий в мирное время — создание условий для жизни всего личного состава дивизии, включая и командный.

Но войны нет. И если верить заявлению советского правительства от того же 13 июня, пропечатанному через день в газетах, войны не предвидится, ибо и СССР, и Германия неуклонно соблюдают условия мирных договоров, заключённых после подписания известного пакта. Значит, на новом месте дивизию должны ждать готовые казармы и домики для семей комсостава. Но тогда почему нельзя брать с собой семьи

командиров? Если на новом месте всё готово для жизни и деятельности дивизии... А если не готово, тогда зачем же её — дивизию — срывать с насиженного места? Надо же сначала всё подготовить. И тогда опять возникает одно из двух: либо заявление правительства — враньё, и дивизия выступила на самую настоящую войну, которая грядёт вот-вот, либо... либо тогда возникает неминуемый вопрос: зачем брать с собой всё носимое и возимое имущество? И жён при этом не брать. И жёны прощались со своими мужьями так, как прощаются женщины любой страны мира со своими сужеными, когда провожают их на бой.

Перебрались. Остановились в лесу. Хорошее место. Лес хороший. Большой. Густой. Такой же, как вокруг Уйдомы. Палатки поставили. Лагерь разбили — всё под древесными кронами, как и предписано.

И, оказывается, не одна только Стёпкина с Родькой дивизия такой приказ о движении к границам получила. Все близлежащие со своих мест сдвинулись. И все к границе.

— 2 —

Пробездельничали недолго. Новый приказ: от каждого из вставших лагерем полка по одному батальону выделять на строительство тех самых оборонительных сооружений, которые, поди, и надлежало занять. Стёпка с Родькой попали на эту стройку в первую же смену. Перевезли их батальон в Брест-Литовск, вывезли за город в сторону границы и чуть ли не по берегу Буга приказали встать лагерем. А там и так народу как селёдок в бочке. И сапёры со всего округа, и такие же красноармейцы, а днями так ещё и гражданских нагоняли откуда-то из города ли, из деревень ли близлежащих.

На сколько глаз хватает, чуть ли не от самой крепости и в обе стороны от неё по берегу Буга многие сотни людей землю одновременно роют. И доты сапёры строят. И не только малые пулемётные, но и с пушками. И все в сторону границы секторами для ведения огня. И все прямо на глазах у немецких наблюдателей. Что-то тут не то. Ждут, видать, в Москве нападения.

После трёх дней изнурительной работы уселись после ужина кружком подле палатки бойцы.

«А что же это делаем-то мы, робята?»

Оглянулись на говорящего — Данила Бородулин с Вятки.

«Спектакль ведь мы устроили тут перед немцами — вот чево!»

«Ты про што, Данила?»

«А рассудите сами. Вы собираетесь держать оборону. Долго держать. Надёжно. Наверняка. Станете ли напоказ перед противником весь день-деньской под носом у него землю рыть? Все эти окопы наши вместе с дотами немецкие артиллеристы уж, поди, на мушку взяли, ежели они и впрямь собрались нападать. И ежели поползут, то в первую же очередь окопы эти с дотами и разнесут в щепу».

«Так уж и разнесут, — хмыкнул маленький рыжеволосый Фимка Бляхин, которого за его маленький рост в роте прозвали Прыщиком. — Там же стена бетонная по метру, да и толще».

«Это для современной артиллерии не помеха, — махнул рукой Данила. — Про авиацию не забывай; там и вовсе по полтонны да и боле бомбы есть. Одну такую брось — и всё, капец доту».

Резонно сказано, не возразишь.

«А ты к чему вообще-то клонишь, Данила?» — спросил после паузы Прыщик.

«Ежели всерьёз обороняться вздумало наше командование, — пояснил Данила свою мысль, — то линию такую строить надо вот не тут, на самом берегу, а где-нибудь подале от границы. За городом хотя бы. Понял?»

«А ежели, к примеру, супостат границу перейдёт? Чево товды?»

«На это пограничники именуются, чтобы его тут задержать».

«Эка, пограничники! Да много ли у них силёнок-то?»

«А много им и не надо, — гнул своё Данила. — Навалятся, как ежели, любые нарушители с большой-то силой, отступил от границы да и включил армию в бой на этот случай. На подготовленных рубежах подале от границы».

«Ну-у-у, приехали — «отступил»! Да ты хоть знаешь, что Красная Армия — самая нападающая армия в мире? Это ведь в уставах наших всех записано. Про это нам на всех политчасах талдычат, а ты — «отступать»!

«Во-первых, не армии придётся отступить, а пограничникам. А это не одно и то же. А во-вторых, отступать — не значит бежать! — огрызнулся Данила. — Для пользы дела иногда полезно и отступить. Вон про Кутузова я чул, дак он в 1812-м году до самой до Мсквы аж отступил, французам её отдал, а всё для чево? Штоб армию свою спасти, понял ты али нет? А после прогонил тех же французозов аж до самово Парижу. Навек, небось, запомнили, что лучше уж в Россию не соваться».

«Уж ни хошь ли ты сказать, друг ситный, што и нам тут надо эк жо сделать? До Москвы отступить, неприятеля подале заманить, а после с им расправиться?»

«Да ничево я не хочу! Я только шкурой чую, што зря всё это мы тут делаем. Никакого прикрытия почти што, никакой маскировки, на виду у всех — маскарад это всё и боле ничево».

«А может, специально мы тут этот, как ты говоришь, маскарад устроили. Чтоб немцев напугать. Во, дескать, смотрите, какая у нас тут оборона. Смотрите и не суйтесь, от греха подальше, к нам без спросу. А коли сунетесь, то мы вам так дадим, что помнить долго будете!»

– 3 –

Первый снаряд, попавший в расположение батальона, разорвался далекомько, и первое, что подумал Степан, услышав звук разрыва, это было: «Надо же, как близко грянуло! И вроде бы деревьев-то поблизости тут нет больших».

По своему опыту, многократно подтверждённому жизнью, он не раз видел, как молния била по высоким деревьям, разнося порой их в щепки, словно топором. Шума дождя слышно ещё не было, но по громовому раскату можно было предположить, что будет ливень. Больше подумать Степан ничего не успел, потому что следующий снаряд разорвался так близко, что осколками от него палатку мгновенно превратило в решето.

«Взвод! Тревога!» — раздалась громкая команда, и Степан вместе со всеми мгновенно вскочил на ноги. Хотел, как обычно, одеться и обуться, но не успел ни того, ни другого. Новый разрыв — и тоже очень близкий — вынудил инстинктивно пригнуть голову, а в мозгу заполошно заметалась мысль об укрытии. Из-за стен палатки донёсся чей-то раздражающий душу крик, переполненный болью, и Степан, даже ещё и не до конца осознавая, что делает, схватил в охапку своё обмундирование и выскочил из палатки.

Первое, что он увидел в рассветных сумерках, это были многочисленные фигуры беспорядочно мечущихся бойцов — его однополчан. Почти все они были в нижнем белье, очень многие босы, и было совершенно невозможно понять, кто тут командир, а кто простой боец. Снова близко разорвался снаряд, разметав в клочья одну из палаток, и Степан с ужасом подумал, увидев это: «Там же люди! Они же могли не выскочить!..»

«Взвод! В укрытие!»

Степан узнал голос своего взводного, но тут же растерялся: а где оно — укрытие-то? Укрытый-то нет. Есть только линия обороны, которую они строили, а она впереди, в стороне границы, и по ней особенно кучно лупасила артиллерия из-за Буга. То, что это артиллерия и что из-за Буга, Степан, да и, наверное, все его однополчане поняли сразу, как только выскочили из палаток. Но вот почему она лупит — этого не понял никто. Ни бойцы, ни командиры — все оказались одинаково ошеломлены.

«Взвод! Занять оборону!» — взводный был уже в гимнастёрке, хоть и без ремня и без штанов, но все имели возможность видеть, что это приказывает их командир.

Степан бросился к винтовочной пирамиде, которая превратилась уже просто в кучу оружия, схватил свою винтовку и хотел уж было натянуть гимнастёрку, но опять рванул неподалёку очередной снаряд, и вслед за его разрывом послышалась команда взводного:

«Ложись!» — а все уж и так лежали кто где, стараясь вжаться в землю поглубже.

Ещё разрыв — и опять в гуще людей! Снова пронизывающие болью пространство крики, стоны раненых.

«Примкнуть штыки! — во всю мощь лёгких заорал взводный. — Занять оборону! За мной! Бегом марш!» — и первым кинулся в сторону линии строящихся укреплений.

Все мгновенно поняли: лейтенант прав! По укреплениям хоть и ведётся огонь, но там траншеи, окопы, там можно укрыться. И вдруг — бах!.. Ещё и не успели бойцы броситься вслед за своим командиром, выполняя его приказ, как вдруг один из них — вечно угрюмый и всем недовольный Богдан Пидячий из «западников», как называли в полку всех вновь призванных в 1940-м году и позже бойцов из районов бывшей Польши, — быстро вскинул винтовку и выстрелил прямо в бегущего к линии обороны командира взвода. И ведь попал же, зараза! Лейтенант широко раскинул руки, словно хотел обнять напоследок всю землю-матушку, и рухнул ничком, не издав ни звука.

«Хлопци! — заорал Богдан. — Бросай винтари! Тикаемо до хаты! Нехай тут москали одни воюють!»

Всё происходило прямо на глазах у Степана, застывшего от неожиданности в нескольких шагах от разыгравшейся драмы. Он успел увидеть только, что многие из красноармейцев-«западников», тех, которых он за время совместной службы узнал и в лицо, и по именам, почти сразу вскочили и устремились в сторону города, бросая на ходу оружие.

«Ты што, сука, наделал-то!» — вдруг совершенно неожиданно донеслось до слуха Степана, и, посмотрев повнимательнее, он узнал в одном из немногих бойцов, успешших каким-то образом обуться и одеться, Родьку «Отрохича». Тот, видимо, лежал на земле в тот момент, когда Пидячий выстрелил во взводного, а теперь вскочил и встал прямо напротив него всего лишь в двух шагах.

«Заткни рот, москаль! — скривившись, зарычал иуда. — А то я тебя зараз тут же рядом уложу!»

Он схватился за рукоятку затвора, дёрнул её на себя и уже собирался двинуть обратно, досылая патрон в патронник, но не успел. Родька, как пушинку, подкинул свою винтовку с уже примкнутым штыком, подхватил её на лету, в мгновение ока широко размахнулся и, сделав глубокий выпад, всадил штык трехлинейки прямо в грудь Пидячего. Точь-в-точь как учили на многочисленных занятиях. Точь-в-точь как наставляли, что «пуля — дура, а штык — молодец!» Но как только изловчился-то? Ведь не готов же был. Да и с силой какой ниоколёсной! Ведь чуть не по самое дуло всадил, хотя и сам не шибко корпусный. Вот уж воистину удесытеряется сила человеческая, когда жизнь на волоске висит и её надобно защищать.

Пидячий ойкнул, выпустил из рук оружие и стал медленно оседать, пытаясь ещё руками схватиться за смертоносное жало, пронзившее его чуть ли не насквозь. Но уже в следующее мгновение он упал на землю, закатил глаза и захрипел.

Грохнуло опять неподалёку, и, посмотрев в сторону разрыва, Родион со Стёпой увидели, что почти все бойцы их роты, да похоже, что и всего батальона, ринулись назад, в сторону города. Никто их не останавливал, никто не подавал никаких команд, многие бежали, бросая на ходу оружие и закрывая голову руками. И многие в нижнем белье, как и Степан.

«Бежим! — рванул Родька своего земляка за рукав. — Тут нам погибель верная — они по укреплениям лупят и по палаткам. Бежим!» — и первым бросился вслед за убегающими однополчанами.

Рвануло так близко, что Родион полетел на землю оглушённый и сбитый взрывной волной. Несколько секунд лежал словно припечатанный, пока на спину не перестали падать комья земли пополам с камнями. «Хорошо, хоть не с большими! — имея в виду камни, пронеслось в мозгу. — А то бы застегнуло тутока и пуля не занадобилась!» Отряхнул голову от навалившейся земли, оглянулся — Степан лежал позади ничком, как и сам Родька только что, уткнувшись лицом в землю.

«Бежим, Стёпа! — закричал он изо всех сил. — Бежим скорая! — и вскочил, готовый продолжить стремительный бег. Но Стёпа не пошевелился. Только рука его левая как-то странно дёргалась, будто он хотел оттащить её от огня, и это ему не удавалось. — Стёпа! Ты чево?» — выдавил растерявшийся Родион.

И в ту же секунду он увидел острый кусок железа, торчащий из земли, которой был засыпан его друг. Кусок с рваными краями, и уже в следующее мгновение догадался, что кусок этот сидит в Степановой спине. Как во сне, на негнущихся от страха ногах он подошёл к земляку и попытался взять этот кусок, чтобы отшвырнуть его, помочь другу — и не смог. Осколок вошёл в спину Степана между рёбрами и застрял там так глубоко и сильно, что только лишь пошевелился при первой попытке его извлечь. И в ту же секунду Родька увидел кровь. Она потекла столь обильно и смочила землю на Степановой спине так сильно, что можно было подумать: от этого движения-шевеления осколка внутри Степана открылся какой-то невидимый кран, и теперь бесценная эта жидкость — носитель жизни человеческой — хлещет из образовавшейся дыры, словно весенний ручей. Ещё не сознавая, что и для чего делает, Родька схватил голову своего земляка, повернул её лицом в сторону, чтоб, может, увидеть во взгляде его ответ на свой вопрос, но вместо этого ему бросились в глаза только Степановы губы. Они вдруг прямо на его глазах выбелились, словно кто-то невидимый провёл по ним невидимой же кистью, и из красно-алых превратились в бесцветно-серые. Ещё не понимая, не осознавая, но где-то интуитивно чувствуя, что Степан умер, умер прямо на его глазах, Родька схватил смертоносный осколок и вырвал-таки его из спины друга. И в то же мгновение увидел: кровь больше не бьёт таким неудержимым фонтаном. Она просто вытекает из огромной дыры в Степановой спине и разливается по земле. «А ведь этот мог достаться и мне! — вдруг ошеломила сознание простая мысль. — Стёпка меня сзади просто прикрыл...» И простая эта до предельной ясности отчётливая мысль о близкой возможной смерти его самого, а не Степана, так потрясла Родиона, что он сел рядом с бездыханным телом своего земляка на землю, не обращая внимания на снарядные разрывы. «Эх, Стёпа, Стёпа! — подумал горестно. — Так ты и не дождался свидания со своим сыном! Так ты его и не подержал в руках, как хотел. Как же всё бестолково вышло...»

«Родька, бежим!» — окликнул его один из пробегающих мимо бойцов из его роты, и «Отрохич» очнулся.

«Прости, Стёпа! — положил он руку на безжизненное плечо своего земляка. — Даже угоить тебя не могу...» — и рванулся вслед за убегающим однополчанином.

— 4 —

Лишь когда снарядные разрывы остались позади, лишь когда уж совсем запыхались бегущие красноармейцы от сумасшедшего этого бега, попадали они на землю. Перевели дух, отдышались. Огляделись. Почти все без гимнастёрок. Немало босых. Многие без оружия. Командиров не видно. В оставленном лагере и по полосе недостроенных укреплений всё гремит и рвётся.

«Надо до своих добираться!» — послышался чей-то голос.

«До кого — до своих-то?» — огрызнулся в ответ кто-то.

После бегства «западников», которые сразу же, объединившись в одну группу, скрылись из глаз, слово это — «свои» — приобрело какой-то двоякий смысл.

«До своих — значит до своего полка».

Никто не возразил говорящему, все растерянно переглядывались друг с другом, соглашаясь в душе, что говоривший прав, и не забыв ещё о своём предназначении. О том, что они — бойцы Красной Армии. Пусть босые, пусть полуголые и многие без оружия, но они призваны защищать родную землю. И растерялись, сбившись в кучу. И не нашлось ни одного, кто бы подал решительную команду к действиям. Был один, подал — и где он? Своим же и убит на глазах у всех.

И где теперь эти «свои»? Не затаился ли ещё среди растерянных бойцов какой-нибудь такой «свой»? А может, уж и русских парней обуяла зараза страха и безумия после всего увиденного? Может, и они так же вот возьмут да в спину из винтовки любому, кто попытается командовать и помешает им спастись? Как всё перевернулось-то! Как перемешалось! Один злосчастный выстрел новоявленного иуды, и зашатались человеческие души, аки перебравшие хмельного на лихой гулянке мужики. И уж, того и гляди, любая из них хряснется в грязь паскудства и позора, ничего не помня, как и те захмелевшие на всю голову, еле держащиеся на ногах гуляки.

«Товарищ боец! — вдруг донеслось до слуха Родиона «Отрохича», лежавшего немало наособицу от остальных. — Товарищ боец!.. — оглянулся, присмотрелся — в двух шагах такой же полуголый батальонный комиссар Фокин. — Идите сюда! Сюда... — и сам за бугорок отползает. Задком, крадучись, и слова полусёпотом, чтобы никто не услышал. Полез Родька — мало ли чего за бугорком этим, может, помощь кому нужна. — Снимите вашу гимнастёрку, — опять политрук полусёпотом. А глазки шмыгают, а руки суетятся, будто кур воровал. Подивился «Отрохич», глаза вытаращил, чуть ли не спросил, а ваша-то где, но не успел. — Снимите, снимите! — уж понастойчивее повторил Фокин. — Вам и без гимнастёрки можно — вон вас сколько в нижнем белье — а мне нельзя. Я — политрук», — и опять глазками вертучими зырк-зырк туда-сюда!

Стащил Родька с себя гимнастёрку — одинакового они с комиссаром роста были — да и протянул ему. Глядь — а позади политрука кустик ивовый растёт неподалёку. А из него — оп-па-на — рукав гимнастёрочный выглядывает. А на рукаве звезда комиссарская. Ясно же сразу, кто хозяин гимнастёрки. Оплосал, видать, товарищ батальонный комиссар, одежду свою форменную в кустик закидывая, да она развернулась в полёте, самым предательским местом наружу высунувшись. Натянул на себя обнову Фокин, торопливо натянул, будто боялся, что её назад отнимут, взгляд нашкочивший на Родьку бросил — ну, и понял, что тот на гимнастёрку его бывшую поражённо уставился. Понял и признался:

«По комиссарам и командирам они стреляют».

«Кто — они?» — ошарашено выдавил Родька.

«Западники», мать их...»

И «Отрохич» понял: не одного только его взводного выстрелом в спину уложил «западник». Видать, уговор промежду них уж был на этот случай. Видать, таких несчастных было больше, чем один их только взводный. И как теперь было смотреть простому красноармейцу на батальонного политрука? С одной стороны ежели, понять его можно: человек жизнь свою спасает от подлой пули. А с другой? Гимнастёрку со звездой комиссарской добровольно скинул — значит, ты уж больше мне не политрук!

«Братцы! Немцы!» — вдруг донеслось из-за бугра, и Фокин с Коняхиным повернулись в сторону границы.

И действительно: в районе недостроенных укреплений и близ покинутых палаток показались люди в касках и с винтовками наперевес. Они растянулись в длинную цепь и довольно споро двигались вперёд. От границы! В сторону города! По советской земле! И словно на параде, с офицерами в цепи! Увиденная картина потрясла красноармейцев. Ведь это же идут враги! Идут в атакующем строю! С оружием наизготовку! И по нашей земле!..

Очередной снаряд разорвался так близко, что осколки его поранили нескольких несчастных. Кто-то упал, кто-то застонал. Через секунду ещё разрыв — уже справа. Потом ещё... ещё... Все поняли: это огневой вал впереди наступающей пехоты. Он предназначается им — растерявшимся и беззащитным. Сбившимся в беспомощную кучу и полубезоружным. А это может означать только одно — смерть. И уже не надо было подавать никакую команду — её подали снаряды противника. И уже не было даже мысли — попытаться залечь или укрыться. Мысль во все головы одновременно пришла только одна — бежать. Бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от смертоносных разрывов. Бежать, спасая свою жизнь, ибо о её спасении, судя по всему, не заботился более никто. Бежать, уже не думая о розыске какого-то своего полка. И оставшиеся в живых реденькими неорганизованными кучками бросились наутёк.

— 5 —

После захвата немцами Брест-Литовска — захвата ошеломляюще быстрого, всего за несколько часов — дороги от города превратились в сплошное месиво. Бежавшие по ним с утра толпы мирных жителей густо перемешала немецкая пехота на машинах, мотоциклах и даже на велосипедах. Она безжалостно расшвыривала и людей, и повозки, которые встречались на её пути, и непрерывным потоком двигалась вперёд так, словно бы всё это происходило где-нибудь в Баварии или в Тюрингии, а не на сопредельной территории, принадлежавшей другой державе. Бои в районе города — непродолжительные и вялые — с появлением массы немецких танков генерала Гудериана, легко преодолевших Буг по целёхоньким мостам, вскоре утихли, и уже почти никто не препятствовал продвижению вперёд немецких колонн. Тем более что по дороге на Кобрин, в сторону штаба 4-й армии, а далее на Минск и Москву, вблизи от границы не было густых лесов, где можно было бы укрыться и занять оборону. Леса, куда выведены были за несколько дней до этого многочисленные полки и дивизии 4-й армии, начинались дальше, через несколько километров. Но и там после мгновенного разгрома целой танковой дивизии Красной Армии, дислоцированной в Брест-Литовске, немцы серьёзного сопротивления не встретили. Сбитые с толку организационной неразберихой и требованиями высших командных инстанций: «не поддаваться на провокации! Ждать указаний!» — командиры полков и дивизий, атакованных врагом, потеряли инициативу, а руководимые ими подразделения, не чувствуя твёрдой командной руки, повсюду встречающие то и дело обходящих и окружающих их немцев, превращались в лёгкую добычу врага. Уже к полудню многочисленные колонны пленных красноармейцев потянулись на запад в сторону границы, а навстречу им ужасающей, всё более увеличивающейся массой двигались полчища врагов.

Лишь некоторые, наиболее твёрдые и решительные командиры воинских частей достойно встречали врага, давали ему решительный отпор, но очень скоро, будучи окружённые со всех сторон из-за отхода — а уж если точнее, то беспорядочного бегства! — соседей, теряли волю к сопротивлению и они. И безволие это, словно тифозная зараза, всё более и более охватывало все стоящие на пути врага части. Разбившись на более мелкие подразделения, бросая тяжёлую технику, которая уже не могла быть полезной при начавшемся массовом отходе, они устремились на восток в надежде соединиться с основной массой войск армии.

Особняком от всех остался в немецком тылу гарнизон Брестской крепости. Обойдённый и окружённый со всех сторон врагами он продолжал сопротивляться. Несколько попыток прорваться к своим, которые предприняли блокированные в крепости красноармейцы, закончились неудачей из-за их стихийности, необеспеченности артиллерийской поддержкой, высокой организованности противника, и гарнизон крепости оказался запертым со всех сторон, не имея ясной цели. Объединённое командование его, стихийно организовавшееся из командиров среднего звена, предприняло несколько попыток связаться со своими частями, но и это не принесло им удачу. На все запросы по радио никто не отвечал. В эфире звучала только немецкая речь. И тогда окружённые решили: воевать до последнего. Либо до последнего мига ожидания быстрой помощи своих, либо до последнего бойца и патрона. Конечно, о втором варианте при принятии решения всерьёз никто не думал; все же знали, какая огромная масса войск Красной Армии стоит вокруг Брест-Литовска, и потому главным для себя окружённый гарнизон посчитал — продержаться. Стены крепости — надёжное укрытие, боеприпасы есть, провиант тоже — обороняться можно. И гарнизон принял бой.

Но всё это Коняхину и группе бойцов, в которой он оказался, было в момент атаки немецкой пехоты прямо от Буга неизвестно. Оказавшись в городе и увидев, что там стоит полный хаос и неразбериха, они уже больше не сомневались в том, что им делать. К своим. Только пробиваться к основным частям своих полков. И неважно же, где они сейчас — на месте ли, подняты ли по тревоге и выдвинуты куда-то в другой

район. Всё равно где-то очень близко от города находится целая 4-я армия, и, попав в расположение любой из её частей, можно получить главное, чего не было в тот момент у группы брошенных на произвол судьбы бойцов — твёрдую командную руку.

Недолго раздумывали они и о маршруте следования. Дорога на Кобрин, к месту расположения армейского штаба, по которой они поначалу хотели уходить, привлекала к себе многочисленностью беженцев, с которыми можно было слиться, но и отталкивала тем, что над ней часто пролетали стреляющие немецкие самолёты. Путь же на Пружаны через лес, в котором должны были быть основные силы их полка, в смысле безопасности казался более предпочтительным, но сбившиеся в кучку бойцы были почти уверены в том, что их полка на месте нет. И никаких других воинских частей нет там тоже. А это значит, что выход к своим может затянуться на неопределённое время. Спорить, однако, о том, каким путём идти, было некогда — немцы в любой момент могли появиться, что называется, перед носом. И группа отступающих выбрала путь через лес. Решили: всё-таки это надёжнее. В случае чего, можно и укрыться. А что не найдём свой полк — так мы и так его, скорее всего, не найдём. Главное — выйти к своим. Встать в строй. А уж потом можно и воевать. Главное сейчас — держаться всем вместе. Не рассыпаться. Не разбежаться. В единстве сила. И для сопротивления, если что, и — может, даже главное — для более убедительного воздействия на своё же командование: всё-таки группа. Всё-таки не одиночки, разбежавшиеся от одного вида врага. И беглецы двинулись на Пружаны.

Но всё вышло иначе. На одном из участков дороги колонна немецких мотоциклистов с крупнокалиберными пулемётами на колясках вылетела из-за крутого поворота столь неожиданно, что беглецы не успели даже сообразить, что это немцы. Мотоциклисты мгновенно окружили группу, и Родька с товарищами увидели дула автоматов, направленные на них почти в упор со всех сторон. Немецкому офицеру, командовавшему отрядом, не составляло труда определить, что это за группа почти одинаковых людей. Тем более что некоторые из них были с оружием.

«Хенде хох!» — послышалась команда на неизвестном языке.

Первая винтовка с глухим стуком упала на землю, а её обладатель медленно поднял вверх обе руки. Упала на землю вторая винтовка... третья... И лишь Родька ещё стоял и чего-то ждал, словно не веря, что всё происходящее — это не сон. Что винтовки под ноги врагу бросают его однополчане — бойцы Красной Армии. Бросают и поднимают вверх руки.

«Хенде хох!» — снова крикнул офицер, направляя свой пистолет на «Отрохича».

«Бросай! — шепнул рядом стоящий боец. — А то всех перестреляют».

Родька разжал пальцы.

Глава пятая

— 1 —

Долго пришлось проболтаться по госпиталям после памятного ранения в первом же бою с белофиннами Ивану Демидову. Сначала в одном, где его вернули к жизни, вытащив две пули из спины, потом в другом. Крепкий организм постепенно брал своё, возвращая Ивана к жизни. В итоге в родной дом он вернулся ненамного позже, чем и другие призванные на переподготовку в конце минувшего лета мужчины, которые уцелели в зимней войне. И вернулась прежняя жизнь, прежняя работа в МТС, прежние заботы. За весь остаток 1940 года военкомат больше не тревожил Ивана, но вот пришла зима, а с ней и 1941-й год. Сразу после Рождества жена родила мальчика. Рад ему был Иван несказанно. Алексанком назван был новорожденный и в честь деда Ольки, и в память о Ивановом двоюродном братане Алексанке, погибшем от бандитской пули.

Всё, казалось, складывается как нельзя лучше. Ан нет. Не забыло военное ведомство про красноармейца запаса Ивана Демидова. Уже в первых числах мая месяца вызван он был на военкоматовскую медкомиссию, а в самом уж конце мая — аккуратно картошку бы садить — получил Иван повестку, которая гласила, что надлежит ему явиться пред светлы очи военного начальства для отправления на очередные военные сборы. И ничего тут не попишешь. Ничего не сделаешь.

Войной пахло уже отчётливо — не то что два года назад, в 1939-м, — разговоры только о ней, проклятой, и были, а потому отъезд Ивана на сей раз был более тревожен.

Демидов получил предписание — прибыть в город Ригу в распоряжение штаба Прибалтийского особого военного округа. Очень скоро по прибытии на место Иван узнал, что ему предстоит принять участие в формировании новой танковой дивизии, штаб которой и командование находились на тот момент в Риге, а вот боевые полки её только зародились и были не до конца укомплектованы. Ведь лишь в феврале дивизия

получила номер, а её командир — приказ на формирование. «Наверное, будут переучивать на новые танки, — подумал Демидов. — А иначе зачем бы в эку даль от дома ехать?»

Он слышал, что в Красной Армии появились какие-то совсем новые танки с какими-то сказочными пушками и непробиваемой бронёй, и теперь горел желанием посидеть за рычагами новой машины. Всё, однако, оказалось совсем не так, как думал Иван. Танки в дивизии, в которую он попал, оказались хоть и новые, но старого образца. Правда, не Т-26, которые вступили в войну с Финляндией, их почти не было, — а БТ-5 и даже БТ-7. «Семёрка» Ивану была незнакома, но всё равно это было не то, что бы он хотел увидеть и изучить. Новая «бэтушка» отличалась, в сущности, от хорошо ему знакомого БТ-5 лишь новым дизельным двигателем. А так — тот же «конь на гусеницах» или колёсах, если эти гусеницы сбросить.

Прошло дней десять напряжённых занятий, и вот в начале второй декады июня собрали всех «запасников» в одну группу и привели к ангару, в котором раньше никто из них не был. Как и в памятном 1939-м при знакомстве с техникой учебного центра, ворота ангара распахнулись, и перед глазами Ивана предстал... Он опять бы не смог сразу ответить на вопрос: а что же перед ним предстало? Ну, во-первых, это был танк. С пушкой, с гусеницами, с башней. Но какой танк! С какой пушкой! Даже с какими гусеницами! Он был так огромен, что, как показалось Ивану, даже Т-35 со всеми его пятью башнями рядом с ним выглядел бы малышом. Немного осмотревшись и опомнившись от первого потрясения, Иван понял, что, пожалуй, новая машина всё-таки не превзойдёт по габаритам «тридцатьпятку», которую он хорошо изучил ещё в 1939-м. Она, пожалуй, даже будет и поменьше. Пугающих размеров габариты придавала ей башня, которая действительно была огромна, как показалось Демидову, в рост человека, и, что ещё более важно, просто невероятных размеров пушка. Сначала Ивану показалось, что в башню просто вставили бревно, причём такой же толщины, как и брёвна в стенах его родового дома. Но, по мере более пристального осмотра, выяснилось, что это всё-таки не бревно, а пушка. Но каков калибр! Шесть дюймов! Демидов таких не видел даже у артиллеристов, а тут на танке!

С незакрывающимся от удивления ртом он и прибывшие с ним на учебные сборы «запасники» продолжили осмотр этой стальной громадины, зацепившись теперь взглядами за гусеницы. Они завораживали своим видом не меньше, чем башня и пушка. Мощнейшие широченные траки обвивали непривычно маленькие катки столь могучими лентами, что рядом с ними гусеницы «бэтушек» или «двадцатьшестёрок» выглядели цветными ленточками в праздничной косе деревенской модницы. «Вот это махина!» — пронеслось в голове Ивана. Он, будучи трактористом, сразу же подумал: да какой же тут должен быть мотор, чтобы всю эту громадину хотя бы сдвинуть с места! Но мысль эта не успела завладеть его сознанием сполна, ибо зампотех дивизии объявил в полной тишине:

«Перед вами, товарищи бойцы, новейший тяжёлый танк Красной Армии — КВ-2. Кто из вас знает эту машину? — в ответ ни звука. — На следующий месяц запланировано полное перевооружение одного из наших полков такими машинами. Пока их прибыло в дивизию всего только три. Наш командир решил создать из них взвод резерва при командире дивизии. Нам необходимо подобрать для этих машин самые опытные экипажи и прежде всего механиков-водителей. Кто из вас мог бы взяться за это дело?»

И опять тишина. Разве можно вот просто так добровольно подписаться на такое дело, не посидев даже в кресле механика, не потрогав даже рычагов...

«Техника новая, — продолжал зампотех, — сложная, и потому пока всё только добровольно. Потому что на сегодняшний день это — важнейший резерв командира».

Наверное, каждый из стоящих в этот момент подумал: я же не Бог, чтобы вот *этим* управлять. И тут вдруг Иван увидел, как из глубины ангара за спиной зампотеха появилась фигура в чёрном, показавшаяся ему знакомой. Пригляделся и чуть не вскрикнул от удивления и радости: Федот Суровегин! Тот самый, который осенью 1939-го обучал вождению всех боевых машин, стоящих на вооружении Ленинградского военного округа.

«Товарищ подполковник!» — громко воскликнул Иван. Он ещё хотел что-то сказать, но рот его расплылся в радостной улыбке. И Федот, конечно же, мгновенно узнал Ивана, точно так же разудыбался во весь рот и шагнул вперёд, встав рядом с зампотехом.

«Знакомого встретил, товарищ подполковник! Разрешите? — зампотех одобрительно кивнул, и Федот стремительно шагнул навстречу Ивану. — Здорово, чертяка! — сжал его в крепких объятиях. — Вот, товарищ подполковник, мой лучший ученик за все годы».

«А КВ этот лучший ученик освоить сможет?»

Иван поймал на себе взгляд Федота и сам громко ответил:
«Так точно, товарищ подполковник!»

– 3 –

18 июня получило командование дивизии неожиданный приказ: всему личному составу дивизии со всей техникой, имеющейся в распоряжении, место постоянной дислокации в Риге оставить и форсированным маршем двинуться в сторону границы с Германией в район Тильзита. «Ну, началось! — ёкнуло в душе у Ивана. — Что-то теперь будет?» Он и его сослуживцы-запасники всего лишь только несколько дней провели в знакомстве с новой техникой, и, конечно, ни один из них не знал устройства этих танков досконально. Почти никто ещё толком не научился даже управлять ею. Командир дивизии вызвал к себе Суروهгина и задал ему один-единственный вопрос:

«Кто поведёт новые танки?»

«Есть только один человек, который может это сделать уже сейчас, товарищ полковник. Красноармеец Демидов», — ответил Федот.

«А остальные?»

«Есть ещё один, которому можно было бы доверить управление. Красноармеец Чистяков. Я сам поведу один из КВ. Второй — Демидов, третий — Чистяков».

«Готовьте КВ к маршу!»

Уже к исходу дня колонны двинулись к границе с Германией. К вечеру 21 июня передовые части дивизии достигли окрестностей литовского города Шяуляй. До конечной цели оставалось менее 100 километров, времени на выполнение задачи было ещё достаточно, и командование приняло решение — дать экипажам отдых. Танкисты повалились на землю и уснули крепким сном.

«Боевая тревога! — раздались громкие приказы командиров подразделений ранним утром следующего дня. — Занять места!»

Танковые экипажи бросились к боевым машинам.

«Вперёд! — это уже команда в наушниках танковых командиров. — Точную задачу получите на марше!»

А немцы уже перешли границу, и район, куда надлежало прибыть танковой дивизии Красной Армии, уже у них в тылу. Некуда прибывать — дорогу впереди загородил враг. И тогда поступил новый приказ: дивизии всеми силами и средствами атаковать врага и вышвырнуть его за линию границы! Не остановить, а вышвырнуть. Как котёнка. Но Вермахт — не котёнок. Два года войны в Европе многому научили немцев. И танкисты молодой дивизии, где оказался Демидов, потерпели поражение. «Бэтушки», даже «семёрки» не выдерживали огня противотанковой артиллерии врага и хоть наносили ему в бою немалый урон, но, не будучи поддержанные пехотой и артиллерией, не прикрытые с воздуха авиацией, во множестве гибли сами. А немецкие танки всё пёрли и пёрли вперёд.

И вот уже и Шауляй ими захвачен, и они на полпути к Риге. Вот уж и танков в дивизии, где оказался Демидов, осталось разве что на полк, а немцы продолжают наступать. Вот уж и к Двине, которую латыши зовут по-своему Даугавой, отошли, и танков вовсе лишь на батальон. Почти без снарядов. Без горючего. А приказ всё тот же: не пускать врага вглубь страны. Но чем не пускать? Если из 200 с лишним танков осталось штук 20. Если снарядов в этих танках по десятку на машину и при этом бронебойных почти нет.

Но приказ — обеспечить прикрытия переправы через реку — надо выполнять. И командир дивизии принял решение.

Только 18 человек стояли перед ним в тесном строю, когда комдив подошёл к ним лично. 18 человек и всего три танка за их спинами. Три новеньких КВ-2.

«Вы — мой последний резерв и надежда, — сказал комдив. — Я не посылаю вас в бой, потому что для этих танков не было снарядов. Их нет и сейчас. Вернее есть, но очень мало. Бронебойных нет совсем — для этого типа танков они вообще не предусмотрены — есть только фугасные и бетонобойные. И тех от силы по десятку на машину. Но врага надо остановить! Обеспечить переправу остальных сил. Вы знаете, что немецкая артиллерия бессильна против брони КВ, но враг может повредить гусеницы — вы должны их беречь. Я знаю, что у вас очень мало снарядов — вы должны их экономить. Вы получите дополнительный запас патронов к пулемётам — всего примерно по 5 тысяч штук на каждую машину. Но силы неравны — вас всего трое... Но я надеюсь на вас».

– 4 –

Утро следующего дня, как и ожидалось, началось с артподготовки немцев. Была она короткой, малоинтенсивной — немцы прекрасно понимали, что какой-либо се-

рьёзной обороны перед ними нет. Три экипажа новеньких КВ-2 заняли места в танках в ожидании приказа. Через несколько минут после установившейся тишины в наушниках танковых командиров прозвучало: «Вперёд!» И три огромные стальные крепости двинулись на врага.

Они шли в первом эшелоне контратакующей дивизии, вернее того, что от неё осталось. Позади них двигались десятка два «бэтушек», которые имели категорический приказ: на противотанковую артиллерию врага не лезть! Ждать удара КВ. И если он будет успешным и в рядах немцев возникнет сумятица, вот тогда можно выходить вперёд и за счёт скорости прорываться в боевые порядки противника.

Местность впереди была ровная, почти без холмов, и Демидов очень скоро увидел через смотровую щель немецкие танки. Их было много; точнее сказать, их было неправдоподобно много — не меньше 30 только в первом эшелоне, — и они, появившись чуть ли не одновременно, двигались вперёд широким фронтом. Почти сразу же за ними показались густые цепи пехоты, которая не бежала, а шла во весь рост по чужой земле, как будто по долине Рейна, будучи в полной уверенности своей неуязвимости. «Ну, гады! — Иван крепко — до побеления костяшек — сжал рычаги. — Это вам не Финляндия, где в лесу было не развернуться. Тут чистое поле. И тут мы ещё посмотрим — кто кого!»

Немецкие танки открыли огонь. Иван понял это по вспышкам и облачкам дыма, которые вырывались из полуторадюймовых «окурков» «трёшек» — так прозвали в дивизии основной немецкий танк Т-3 — но никаких видимых результатов этого огня не было заметно. «КВ» по-прежнему шли вперёд, а навстречу им катили немецкие танки. С наступающей пехотой позади них.

«Огня не открывать! — послышалось в наушниках. — Механик — вперёд на пехоту!»

Иван наметил место в танковом строю немцев, через которое он должен прорваться до пехоты. До танков противника оставалось уже не более 200 метров. Уже можно было разглядеть отдельные детали на их броне, даже небольшие дверцы сбоку башни. «Вот ведь придумали! — хмыкнул про себя Иван. — Сбоку в танк залезать...» Подумать что-либо об этом дальше не успел: ближайший от него немецкий танк выстрелил почти в упор. И попал. В первый момент Ивану показалось, что по башне его танка кто-то из всей силы грохнул кувалдой. Но не более того. «Ага! — злорадно подумал Демидов. — Слабо тебе!..»

Выстрел повторился из другого немецкого танка, и на этот раз попадание было более ощутимым, ибо снаряд попал в корпус. И опять словно удар кувалдой.

«Механик! — раздалась громкая команда в наушниках. — Змейкой!»

«Гусеницы! — метнулось в мозг Ивана. — Командир бережёт гусеницы».

Они отработывали уже этот приём — движение «змейкой» — на танкодроме, когда боевая машина движется не строго по прямой, а немного меняя направление. Так труднее попасть в гусеницу, если с близкого расстояния противник вздумает её вдруг повредить. Для колёсных «бэтушек» это не имело никакого значения, а вот для новых Т-34 и «КВ» это уже было очень важно.

Иван поочерёдно начал дёргать рычаги, и боевая машина, каждый раз немного меняя направление, продолжала двигаться вперёд. Прямо на немецкие танки. Вот уж, кажется, до них рукой подать. Снова выстрел — почти в упор — снова попадание, и снова «КВ» не получил никакого вреда.

Как нож в масло, все три стальные крепости вошли в танковый строй врага и устремились прямо на пехоту. Немцы растерялись: что это за танки такие у русских?! Они стреляют по ним, их снаряды попадают в цель — это хорошо видно по искрам, высекаемым из брони стальных громадин при каждом попадании — а русские танки идут вперёд, как ни в чём не бывало. Они проходят через их строй, даже не замедляя хода. И прямо на беззащитную уже пехоту.

Остановились немцы. Развернулись их передовые танки — и вдогонку за русскими чудовищами. Какие уж тут «бэтушки», которые жиденькой цепочкой идут вслед за невиданной доселе техникой. Не до них. Своя пехота под угрозой.

Снова удар кувалдой по башне. Это уж сзади — и снова никакого результата. Три стальных колосса по-прежнему движутся вперёд. Новый удар — теперь сбоку — никакого толку. А пехота врага — вот она, руку протяни — достанешь.

«Огонь!» — рывкнуло в наушниках, и длинные очереди башенного пулемёта, как косой, начали косить захватчиков. «Ага, гады! — злорадно подумал Иван. — Получили! Не хрен было на чужую землю лезть!»

Новый удар по башне сбоку — как не попасть в трехметрового гиганта, у которого одна только башня чуть не во весь немецкий танк высотой, — и снова впустую. А пехота уже повернула вспять. Немцы драпают.

Сбоку на предельной скорости машину Демидова обогнал немецкий танк с ка-

ким-то замысловатым знаком на броне. Он мчался с повёрнутой назад пушкой, вырвался вперёд метров на сто и, остановившись, грохнул уж совсем в упор. Снаряд угодил рядом со смотровой щелью Ивана и опять не причинил никакого вреда.

«Как же ты мне надоел! — раздалось в наушниках яростное восклицание командира. — Ну, погоди же!..»

Прошло несколько мгновений, в течение которых наводчик, очевидно, наводил орудие на улепётывающий немецкий танк, и в шлемофоне Ивана прозвучало громкое: «Механик! Короткая!»

Иван рванул рычаги на себя, даванул педали, и боевая машина, качнувшись вперёд, остановилась как вкопанная. И в следующее мгновение она изрыгнула из своего бревна-пушки целый сноп огня и дыма, дёрнувшись при этом сама так, будто наехала на мину. Из инструкций по эксплуатации Иван знал, что из танковой пушки КВ-2 можно стрелять только «с остановки». Стрельба «с ходу» инструкцией категорически запрещалась, так как это могло повредить трансмиссию танка из-за сильной отдачи.

Пятидесятикилограммовая чушка снаряда в мгновение ока настигла убегающий немецкий танк и рванула так, что на какое-то время Демидов перестал видеть поле боя. Только стена огня и чёрного дыма пополам с тоннами вздыбленной земли, заполонившими собой полнеба. Удар был такой силы, что немецкий танк перевернулся, задрав вверх гусеницы, а его башня отлетела в сторону, будто крышка от кастрюли. Такого, судя по всему, не ожидал никто. Ни русские, ни немцы. Сослуживцы Ивана не ожидали потому, что никогда не видали, как стреляет этот танк, — нечем было стрелять, снарядов не было, — а немцы не ожидали потому, что они считали: таких танков с такой пушкой в природе не бывает, тем более у русских. Потрясение парализовало одних и чудесно окрылило других.

«Вперёд! — срываясь на мальчишеский визг, крикнул командир танка. — Дави гадов!»

Немцы бежали, петляя, как зайцы. Они спотыкались и падали, их настигали пулёмётные очереди и широченные гусеницы бронированных великанов. А сбоку и сзади суетились немецкие «трёшки». Они тявкали, словно дворняги, из своих полуторадюймовых «окурков», раз за разом попадая в стальных русских гигантов, но те всё шли и шли вперёд, пулёмётным огнём уничтожая врага.

Вдруг грохот. Опять по башне. Опять без эффекта.

«Механик! Справа за кустами!» — прозвучало в наушниках.

Иван потянул рычаг, разворачивая танк вправо, и тут же увидел немецкую противотанковую пушку, которая ударила из-за кустов справа.

«Дави!» — во всю мочь крикнул командир, и Демидов до упора втопил педаль газа.

Танк взревел и на предельной скорости обрушился на орудийный расчёт врага всей своей 52-тонной массой. Маленькая противотанковая пушечка оказалась вмятой в землю по самые уши. Иван даже не почувствовал, что под гусеницами что-то существенное. Танк просто трянуло, как его потряхивало на танкодроме, когда он наезжал на установленные для учебного преодоления препятствия.

Это был переломный момент всего боя. Три КВ разорвали боевые порядки врага в клочья. Как три былинных русских богатыря. Враг бежал. И тогда вперёд вырвались «бэтушки». В чистом поле, не встречая противодействия, они настигали врага и давили.

Командир взвода КВ обнаружил, что они углубились в боевые порядки противника значительно дальше, чем нужно.

«Взвод, слушай мою команду: выходим из боя! Возвращаемся на исходную!»

— 6 —

«Экипажам покинуть танки! — скомандовал зампотех. — Переправы не будет. Танки приказано взорвать».

«Как взорвать?» — опешил взводный.

«У них нет снарядов, нет горючего. Нет плавсредств, чтобы переправить такую тяжесть. Выполняйте приказ, лейтенант!..»

Глава шестая

— 2 —

Военная судьба красноармейца Геннадия Сухарева началась, как и судьбы очень многих его товарищей по оружию, с яростной бомбёжки расположения его части авиацией противника на рассвете 22 июня. Но не на месте постоянной дислокации в районе Львова, а у самой государственной границы. Дело всё в том, что ещё 20-го

числа 4-й механизированный корпус, в одной из дивизий которого служил Сухарев, был поднят по тревоге командующим 6-й армии Киевского военного округа генералом Музыченко, и, выполняя его приказ, командир корпуса генерал-майор Власов повёл подчинённые ему войска на запад. К линии государственной границы, в районы, предписанные ему планом прикрытия. В районах этих, однако, остановки не последовало. Корпус продолжил движение дальше на запад и потому роковую ночь встретил, что называется, в чистом поле. Немецкие бомбы посыпались на головы спящих бойцов...

Вместо того чтобы использовать мощнейший мехкорпус, где одних только танков насчитывалось больше, чем во всей немецкой группе армий «Юг» во всех трёх её танковых корпусах, при этом танков с абсолютным превосходством над немецкими по качеству и непробиваемости брони основными калибрами немецких пушек, как могучий бронированный кулак, для чего он, вообще-то, и задумывался и создавался всего год назад, вместо того чтобы ударить этим кулаком по прорвавшемуся через границу врагу, разбить его и вышвырнуть обратно — а это было бы по силам войскам корпуса на их участке, — откуда-то сверху, то ли от командующего фронтом, то ли от самого Жукова, ни с того, ни с сего вдруг объявившегося в Тернополе на командном пункте фронта в первый же день войны, поступила к вечеру команда: частью сил 32-й танковой и 81-й мотострелковой дивизии, входивших в состав 4-го мехкорпуса, организовать короткий удар на город Радехов по прорвавшемуся там противнику. Ну, понятно: в 32-й, несмотря на её младенческий возраст, дивизии одних только «тридцатьчетвёрок» и «КВ» больше 200 штук — ни в одной другой столько нет. Но ударить-то куда предназначалось? Комкор на карту как глянул, так и ахнул: Радехов-то на сотню километров восточнее стоит от расположения дивизии! Что это за «дранг нах остен»? Они там что наверху, не знают, что ли, ни хрена, что кусок от корпуса, стоящего на линии границы, отрывают да в глубокий тыл бросают на выручку там кого-то? На кой ляд тогда и было корпус к границе выводить, чтобы потом в этот самый «дранг нах остен» броситься? Да ещё и скрытно выводить! Там что, в Радехове этом, больше никаких частей нет, что ли, чтоб кому-то там прорвавшемуся — а интересно, как же это немцы в такую даль прорвались-то, ведь воевать только начали! — вломить со всей красноармейской силой? Это уж не «дранг нах остен» получается, а больше на «драп нах остен» похоже! Попробовал было комкор всё это начальству вышестоящему внушить, но в ответ услышал:

«Выполняйте приказ, генерал!» — и точка.

Делать нечего: сформировали скоренько боевую группу из двух танковых батальонов 32-й дивизии, отщипнули от 81-й кусок мотопехоты вместе с бойцом Генькой Сухаревым, там служившим и в отряд попавшим, да и бросили всё это войско в указанном направлении для выполнения странного приказа.

Не выполнили, естественно: как же можно выполнить дурацкий приказ — никакого противника в указанном месте просто не оказалось. А под сотню километров на танковые гусеницы намотать пришлось.

Дальше — больше. Уже в начале дня 23 июня новый дикий приказ: частью сил (опять частью!) 32-й танковой дивизии нанести удар в район местечка Мосты Вельке. Там тоже якобы прорвался кто-то. И опять, как на пожар, туда поехали и вновь там никого не обнаружили. А уж ближе к вечеру того же дня поступил приказ уничтожить пехоту противника, прорвавшуюся при поддержке 300 танков в районе посёлка Камена Струмилова... Как все танки сосчитать в панических докладах — кругом одни танки получаются. А между тем, на всём Восточном фронте танков у Вермахта перед началом войны и четыре тысячи не набиралось. При этом основную массу составляли лёгкие Т-3 с 37-миллиметровым «окурком» вместо пушки, которые и средними-то можно было посчитать с большой натяжкой. Новеньким красноармейским «тридцатьчетвёркам» и КВ их снаряды — словно горсть гороху по фанере. А противотанковые красноармейские «сорокапятки» пробивают немецкую запросто.

В Красной же Армии если уж танк, то, значит, пушка на нём обязательно не меньше 45 мм калибра, броня, как положено подобной машине, и экипаж соответствующий. В одном только 4-м мехкорпусе таких 979 штук. Да у генерала Хацкилевича — командира 6-го мехкорпуса Белорусского военного округа — 1131 танк. Да в 8-м — 899, да в 15-м — 749, в 22-м — 712. До последнего танка всё посчитано! И вот уж и побольше набирается, чем у Гитлера во всей его армии на Восточном фронте. И это только на Западном и Юго-Западном фронтах. И это только на двух выступлениях — Львовском и Белостокском, клиньями вбивающихся в сторону противника. Более того: на самых остриях этих выступов. У самой границы. А ведь есть ещё и мехкорпуса на флангах и во втором эшелоне. А ведь есть ещё и 12-й в Прибалтике, и 16-й, и 29-й, наконец... А всего их в Красной Армии задумано аж 30 штук! Не во всех, правда, на начало войны танков одинаковое количество, где-то и по 200, и по 400 всего лишь, но ведь и не все они в первом эшелоне. И во все полным ходом идёт поступление новых машин, доводя

их численность до штатной — 1031 танк — величины. И их же всё-таки аж 30 корпусов, как и было задумано по генеральному плану строительства и перевооружения Красной Армии. Не успели, правда, всё построить так, как хотели. Планировали, что Гитлер с нападением подождёт до 1942-го года...

Всё это командир 4-го механизированного корпуса генерал-майор Власов знал очень хорошо. Как знал и то, что неспроста его корпус — самый мощный во всём Киевском особом военном округе и по количеству машин, и по числу новых танков, особенно «тяжёлых танков прорыва», как официально именовались во всех документах танки типа КВ, — сконцентрирован на самом острие Львовского выступа, который, словно наконечник копья, вонзается в сопредельную территорию бывшей Польши, ставшую в 1939-м территорией немецкой. У самой границы. Как и 6-й корпус генерала Хацкилевича на самом острие Белостокского выступа. И занял он это местоположение только после 20-го июня в результате форсированного марша, выполненного со всеми возможными способами маскировки и тайны (хотя какая уж тут тайна, ежели почти тысяча танков, из которых чуть ли не половина новейших и тяжёлых, грохочут по дорогам день и ночь в сторону границы, любому ясно, что это — война). Что-то там, на самом верху, замыслили. Что-то они там собрались «прорывать» с такой-то концентрацией бронетехники у самых государственных рубежей?

И что в итоге вышло на деле? Прибыла помощь под Радехов — нету там никаких чужих танков! Прибыла к Великим Мостам — опять пусто. Под Каменкой 300 немецких танков — не шутка, и все оставшиеся наличные силы 32-й танковой форсированным маршем двинулись в указанный район. И опять впустую! Ни танков, ни прорвавшейся немецкой пехоты.

На другой день ещё смешнее: откуда-то сверху — опять неизвестно от кого — поступил приказ о выведении из состава корпуса 8-й танковой дивизии. Ей было приказано сосредоточиться в районе посёлка Жолква для передачи в состав 15-го мехкорпуса с целью разгрома противника всё под тем же Радеховым. А если учесть, что в тот же день настоящая катастрофа произошла с 81-й дивизией, которая потеряла вдруг без вести пропавшими чуть ли не весь командный и начальствующий состав своего штаба во главе с командиром полковником П.М. Вырыпаевым, начальником штаба полковником Д.Е. Спесивцевым и, оставшись мгновенно обезглавленной, понесла огромные потери, перестав фактически существовать как единая боевая единица, то станет понятно, почему уже к утру 25 июня от мощнейшего бронированного кулака под названием 4-й механизированный корпус Красной Армии осталась одна вывеска и штаб во главе с командиром. Командовать уже было нечем. Нет корпуса. А ведь какая машина! Одних только танков 900 с лишним в нём насчитывалось, из которых половина новейших КВ и Т-34. Орудий и миномётов почти три сотни. Броневиков без малого две. Тракторов 270. Даже мотоциклов больше тысячи штук. А автомобилей — 2854! Их ежели в цепочку все связать, на 20 с лишним вёрст такая цепочка растянется... И ни в каких боях, по сути дела, этот корпус так и не поучаствовал. Канул в Лету, в пучину вспыхнувшей, будто пожар в сухой степи, войны, рассыпался, разлетелся в мелкие клочки одним лишь росчерком властного пера, и все солдатики, в клочках этих оказавшиеся, тоже растворились в этой мешанине безвестности и неразберихи.

Глава восьмая

— 4 —

Армия, в расположение которой прибыть получил в штабе Западного фронта предписание подполковник Майков, сформировалась на Северном Кавказе как армия второго эшелона. Там она полностью развернулась, укомплектовалась, там же проводила и боевую учёбу, напряжение которой было поднято на очень большую высоту с первых же дней после её начала. Странно вообще-то; ведь вроде бы пакт о ненападении с Германией, вроде бы зачем она нужна — ещё одна армия второго эшелона — ведь войны-то нету и войной не пахнет, но в одночасье изменённый в сентябре 1939-го Закон о всеобщей воинской обязанности мощным потоком погнал в Красную Армию многие сотни тысяч новобранцев, которых надо было куда-то определить, как-то обустроить, военному делу обучить. Вот и вышло, что войны нет, а новая армия есть. И не только она одна такая. И уж дивизии с номерами за 200 в них.

С началом июня 1941 года командование армии получило приказ: с места расположения сняться и со всем наличным возимым и носимым имуществом передислоцироваться на Украину в распоряжение Киевского особого военного округа. И огромная масса войск и техники пришла в движение.

Пунктов назначения, оговоренных в приказе о передислокации, однако, никто не достиг. Уже на марше, уже в многочисленных армейских эшелонах, войска догнало

сообщение о начавшейся войне. И армия мгновенно перестала существовать! Нет, она, конечно, никуда не делась. Всё её многотысячное войско со всеми пушками и танками как было, так и осталось, но она перестала существовать как единая боевая единица. Одну из дивизий кинули затыкать дыру во фронте под Киевом, переподчинив впоследствии 37-й армии генерала Власова, остальные враздерёжку посажали в эшелоны (а некоторые части и не снимали с эшелонов вовсе, просто переадресовали их) и погнали в соседний бывший Белорусский военный округ — а с началом войны Западный фронт — дыру там затыкать в обороне вдоль линии фронта. Погнали без авиационного прикрытия. В обстановке паники и хаоса беспорядочного отступления на всех фронтах. То-то досталась пожива лёгчицам «Люфтваффе»!

Штаб армии, попав под бомбёжку на подходе к району намеченной высадки и концентрации армии, высадку эту осуществить не смог, дабы не погибнуть зазря, а проскочил аж на Валдаи, в зону действия Северо-Западного фронта. И от 100-тысячной армии, не сделавшей ещё и выстрела по врагу, остались одни осколки. В такую-то вот кашу предстояло нырнуть Палуше Майкову с первых же минут пребывания на фронте.

– 5 –

Командующий армией несколько ночей подряд почти не спал. Приказ о передислокации армии в район Витебска для обороны этого города он получил уже давно, но выполнить его не было никакой возможности. Нет, она, конечно, была — бросать немедленно в указанный район всё, что прибывает из состава армии по железной дороге — но как при этом выполнить главную задачу приказа? Как защитить Витебск, если немцы наступают и бьют бронированными танковыми кулаками? Мы же вместо такого же организованного кулака можем противопоставить лишь несколько пальцев враспырку, состоящих из отдельных полков или даже батальонов из дивизий, прибывающих к месту назначения. Ни единого командования, ни схемы снабжения, ни, наконец, знания района боевых действий — ничего.

В дверь осторожно постучали, и на пороге появился адъютант.

«Товарищ командующий! К вам...»

«Пусть войдёт».

Адъютант исчез, а вместо него на пороге появился... генералу показалось, что на пороге помещения, занятого под кабинет, появился старик, настолько внешность и вид вошедшего не соответствовали военной форме, сидевшей на нём, и, главное, знакам различия на ней.

«Товарищ командующий! Подполковник Майков прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы».

«Командующий... — мысленно повторил генерал. — Видать, ещё из тех, дореформенных...» Всю свою жизнь отдав армии, командарм привык и к обращению «командующий» применительно к себе, и к новому «товарищ генерал», введённому в Красной Армии после появления в ней генеральских званий год назад, но это был особый случай.

«Вы с какого года, товарищ подполковник?»

«С тысяча восемьсот девяносто третьего, товарищ генерал-лейтенант».

«А почему подполковник?» — поинтересовался вслух.

«Долго рассказывать, товарищ генерал».

«А вы не спешите. Вы же прибыли для дальнейшего прохождения службы, и я хочу знать, почему в моё подчинение попадает подполковник на четыре года старше меня — генерал-лейтенанта. Вы чем командовали до этого?»

«Дивизией».

«Ваше звание в тот период?» — всё более начиная понимать что к чему, спросил генерал.

«Комдив».

«Где командовали?»

«На Карельском перешейке».

«Воевали?»

«Не дали...»

«Понятно. Присаживайтесь. Давно в армии?»

«С четырнадцатого года».

«Ого! Где воевали?»

«Почти не воевал. В плен попал. Бежал».

«В Красной Армии давно?»

«С марта восемнадцатого».

«Откуда родом?»

«С Двины... Считаю што...»

«Хо! — вскрикнул, откидываясь на спинку стула, генерал. — А я с юга! Считаю што... В одной воде, выходит, мылись, да и крестились! — Палуша непонимающе уставился на командующего. — Не понял? — весело продолжил тот. — Река такая есть; Юг называется. Она прям Устюга в Сухону впадает — или сливается с ней, как некоторые говорят, — а дальше уж Двина пошла название. Оттого и Устюг так зовётся. Усть-Юг, — раздельно произнёс генерал. — Устье Юга. Так что мы с тобой, выходит, почти што земляки, — командующий вскочил со своего места, жестом остановив попытку Майкова сделать то же самое, и несколько раз прошёлся по помещению из угла в угол. — А коли земляки, — остановился он прямо перед Палушей, — то как земляки давай и покумекаем, что нам тут делать. Хоть ты и подполковник всего-навсего, но чую я, что голова твоя за двух генералов варить может. По совести как ежели, тебя бы мне где-то возле себя держать бы надо. Начштаба, например. Опыт есть?»

«Год был начштадивом».

«А по положению, которое на данный момент создалось, мне тебя приходится в самое пекло совать. И не полком командовать или дивизией, а вообще чёрт-те знает чем! И ты понимаешь, какая ерунда получается! Он звонит мне и спрашивает: ты, говорит, прыгать можешь?»

«Кто звонит?»

«Генштаб!»

«Жуков?»

«Да не-е-е, — поморщился командарм. — Жуков с первого же дня войны в Тернополе, на Юго-Западном. Я в его распоряжение должен был прибыть, когда приказ на передислокацию получал, а тут звонит его зам и задаёт такой вопрос. В чём, спрашиваю, дело? А он мне: надо, мол, отпрыгнуть с юго-западного направления на западное. Под Минск, мол, и даже ещё севернее — под Витебск. Там, мол, войска нету никакого под рукой, а то, что впереди, у границы — окружено и разбито. У меня аж рот открылся сам собой: как это — окружено и разбито? Там же три армии только в первом эшелоне! И все полностью были отобилизованы. Да во втором две армии — не меньше. Там же одних только танков больше, чем две тысячи в одном только первом эшелоне. Авиации сколько! Где это всё? А он мне в ответ: и сделать это перемещение надо очень быстро, пока немцы ещё дальше не прорвались. Отпрыгнуть, одним словом. Я ему хотел сказать, что так нельзя, что эта переброска в зоне действия немецкой авиации вдоль линии фронта не останется незамеченной, что нас разбомбят, что надо выдвигать резервы из глубины, но разве ты Генштабу что-то скажешь! Тебе вот я могу сказать — ты это понимаешь — а они? А они — «отпрыгнуть», мол, надо. Да что я, заяц, что ли, чтоб отпрыгивать? Вот и вышло, что у меня сейчас под рукой нет ни одной полной дивизии! Одни куски, да и те обгрызенные. Где-то полк, где-то другой, а где и вовсе только батальоны. И как тут задачу выполнять? Задницей своей, что ли, дыру во фронте затыкать? Но приказ выполнять надо... Есть у меня под рукой два полка из одной дивизии. Какое-никакое дивизионное обеспечение у них тоже есть — разведрота, например, а вот ни командира дивизии, ни штаба нет. Едут где-то. А может, уж и не едут... А ждать их — времени нет; немцы совсем близко от Витебска. А потому, товарищ подполковник, вам надлежит прибыть в расположение этих двух полков и организовать их общее командование! — Палуша вскочил, вытянулся, но генерал жестом усадил его на место и опять заговорил по-домашнему: — Ты извини, что я вдруг так с тобой. Замотался... Как звать-то?»

«Павел Федосович».

«Так вот, Павел Федосович, уж как земляку-северянину хочу сказать: идёшь на пустое место. Ни штаба нет, ни помощников — всё надо организовать. Советую: на базе штаба одного из полков сделать что-то вроде штаба бригады и уж дальше всё остальное».

«Я уже подумал об этом».

«Там одним из полков полковник Клыкков заправляет. Меня на 14 лет моложе. Редкая, скажу я тебе, гнида. Его бы до армии и на пушечный выстрел не надо допускать, но у него блат на самом верху. Эта гнида ползёт по нашим головам всё выше и выше. И прищучить её никак нельзя: чуть что не по нём — он сразу «звонок наверх», и оттуда чуть ли не рык сразу же. Он батареи от батальона не отличит, но уж полковником ко мне весной назначен был. Ладно хоть на полк только, а не на дивизию. Каб не война, проболтался бы он на должности с полгодика — и на дивизию куда-нибудь во внутренний округ. А там, глядишь, и на армию. И что с того, что он и взводом-то командовать не научился; ему главное, чтоб в личном деле все отметки о прохождении службы были. Чтоб, как говорится, «прошёл все ступени»... — командующий выругался. — Так вот, — продолжил, — его бы гнать мене сейчас с полка в три шеи, коли война началась, но сделать этого я не могу. Думаю, правда, что его со дня на день куда-нибудь в тыл отзовут, но пока он при должности, напакостить может немало. Так что ты, Павел

Федосович, поимей это в виду и с ним не церемонься. Ты, согласно приказа, будешь временно исполнять обязанности комдива и ставь его сразу же на место. Понял?»

«Так точно, товарищ командующий!»

«Отделение автоматчиков из резерва я тебе дам в личное подчинение. Люди проверенные, можешь на них положиться. Задача твоя — объединить усилия этих двух полков и... — командующий помолчал мгновение, — и задержать немцев на подступах к Витебску. Задача перед армией — не дать захватить Витебск; но два полка — это не армия, и потому дай-то Бог хоть бы задержать врага до подхода основных сил, — он положил руку на плечо Майкова: — По совести говоря, Павел Федосович, не надо бы мне тебя сейчас под Витебск отправлять. Нет у нас сейчас там никаких возможностей этот приказ Ставки выполнить. Ни подготовленной эшелонированной обороны нет, ни войск, ни резервов, ни организованного снабжения, и самое главное — нет времени, чтобы всё это организовать. Немцы давят непрерывно, пользуясь тем, что кадровой армии на их пути нет, а те войска, что из второго эшелона выдвигаются, — нынешней весной формировались. Ни опыта в них нету никакого у бойцов — ведь новобранцы же все сплошь — ни командиров грамотных — ничего! Вот и бросаем войска, как дрова в печку, по мере прибытия, вместо того чтобы их сберечь да всё грамотно организовать. «Ни шагу назад!» — только и слышишь, а немцы уж почти всю Белоруссию прошли! По уму как ежели, то надо бы сейчас все прибывающие войска не в бой бросать прямо «с колёс», а в междуречье Двины и Днепра отправлять, оборону там строить, которой сейчас нет. А может, и на Днепр даже. И не на западный даже берег, а на восточный, чтоб ещё и рекой прикрыться. Надо-то ведь встать намертво, чтобы немцев остановить. А мы, сам знаешь, все предвоенные годы обороне почти что войска не учили. «Наша армия будет самой нападающей!..» — это даже в уставе записано. Вот теперь и платим за всё. Вот теперь и надо было бы такое решение принять. Горькое, да ничего не сделаешь. Гражданских хоть и гоняют толпами на оборонные, но много ли с того толку? Копают-то ведь старики да бабы. А что они накопают там, где мужицкая сила нужна? Дивизии сапёрные нужны, а не то чтобы батальоны или даже полки. А где они? Нету!.. Нам сейчас главное — время бы выиграть. Задержать продвижение немцев, насколько это возможно. Не дать им возможность наступать с таким же темпом. Главное — опомниться от разгрома!..»

— 7 —

Всю дорогу до места назначения Палушу одолевали горестные раздумья: «Немцы в Минске! Как такое могло произойти всего за одну неделю? Ведь даже до 39-го года Минск стоял не у границы. А в сентябре 39-го границы отодвинулись на запад до 200 километров. И наиболее далеко как раз в районе Бреста и Белостока, образовал там даже выступ в сторону Германии. До Минска же от Бреста 350 километров. Это же по 50 километров в сутки темп наступления! Средний темп. Значит, где-то и больше. О каком же тогда героическом сопротивлении Красной Армии пишут газеты, если немцы движутся по территории СССР с такой скоростью? Такой темп наступления возможен только лишь в условиях полного разгрома противника и отсутствия с его стороны хоть какого-то противодействия. Отдельные очаги не в счёт. Но у нас же 5 милионов под ружьём было ещё до начала войны... И где всё это?»

Палуша вспомнил лекции преподавателей на курсах, где он учился в 1937-м. Вспомнил про понятие о материальных ресурсах, которых в СССР было несравнимо больше, чем у любой другой страны и Германии в частности. Даже несмотря на захват ею ряда европейских государств. Вспомнил о «мобилизационных возможностях» СССР, которые опять же были несоизмеримо выше, чем у Германии. Но, главное, он вспомнил, что Версальский договор запрещал Германии иметь танки и любое другое тяжёлое вооружение. Что она по этой причине — для того, чтобы скрыть от остального мира, — готовила лётчиков и танкистов для своей армии в наших Липецке и Казани. И теперь эти лётчики бомбят наши города. Эти танкисты наматывают на гусеницы своих танков километры советской земли...

«Но их же не может быть очень много, — продолжал размышлять Майков. — Их же старались готовить тайне, и эта подготовка не носила массового характера. Откуда ж тогда преимущество-то? Подавляющее преимущество немцев в танках и авиации, о котором твердят все газеты. Ведь у нас же в армии и танков, и самолётов многие тысячи. Никакого превосходства просто не может быть. Только если всё вооружение взять — и бросить. Вот тогда и Минск можно захватить на исходе первой недели войны».

В сообщениях газет, объяснявшие всё происшедшее предательством генерала Павлова, командующего Белорусским военным округом, Майков не верил. Они писали, что будто бы именно командующий округом и его штаб приняли перед войной реше-

ние сосредоточить такое количество войск у самой границы для якобы более надёжной её защиты. Решение, которое с началом войны обернулось катастрофой, потому что войска сразу попали под внезапную губительную бомбёжку врага и оказались полностью разбиты или окружены, не оказав врагу ожидаемого сопротивления. Такая трактовка событий могла бы стать объяснением человеку, не знакомому со спецификой военного дела. Но Палуша-то прекрасно понимал, что решение подобного масштаба — дислокация огромного количества войск целого округа — это не прерогатива его командующего. Существуют — вернее существовали — планы прикрытия, согласно которых и определялось местоположение любой дивизии или даже полка. Такие планы разрабатывал Генштаб, а то и лично нарком обороны. А скорее всего, это вообще решалось на Политбюро ЦК. И при чём тут генерал Павлов вместе с его штабом? Его просто выбрали козлом отпущения. Как будто и в Прибалтике он отвечал за размещение войск. Как будто и на Украине выводил полки и дивизии прямо к линии границы на Львовский выступ, где они и попали под сокрушительную бомбёжку...

«А почему Жуков в Тернополе? — вспомнил Палуша разговор с командармом. — Что он там делает в такое время? Ведь он же начальник Генерального штаба! Его место в Генштабе. Его обязанность — собирать сведения, поступающие с фронтов, и принимать решения... — эта мысль настолько потрясла Палушу своей очевидностью, что он даже усомнился в том, что говорил ему командарм. — Не может такого быть! Не может начальник Генерального штаба в такой момент ехать куда-то к самой границе, нечего ему там делать...» Но, поразмыслив, понял, что причин не доверять командующему армией у него — Майкова — нет. Значит, действительно произошло невероятное, если самый главный начальник, от которого зависит принятие всех решений на оборону, отсутствует на своём посту.

И вдруг Палушу будто молнией прошибло: ошибка произошла наверху! Где-то там, на самой вершине власти, принято было огромной тяжести ошибочное решение. Решение, которое привело к катастрофе на фронтах. И выезд начальника Генштаба куда-то в округ сразу после начала войны — часть этого решения. Подготовка немецких лётчиков и танкистов перед войной на нашей территории и наших базах — часть этого решения. Дислокация огромного количества войск и техники у самой границы — часть этого решения. И газетная трескотня о героическом сопротивлении — часть этого решения, призванная скрыть масштабы его ошибочности.

«Но как же тогда остановить врага? — продолжал размышлять Майков. — В Красной Армии существуют внутренние военные округа и армии второго эшелона. Вот две из них уже выдвинулись вперёд и воюют под Витебском. Третья выдвигается. Значит, это совсем не обязательно, чтобы Гитлер дошёл до Москвы. Значит, его надо просто остановить вот где-нибудь тут, при входе на Смоленщину...»

— 8 —

Как в воду глядел командарм! Ещё будучи в штабе армии, где получал необходимые документы, Палуша узнал, что немцы подвергли мощной атаке по земле и с воздуха части Красной Армии, защищавшие Витебск. Спешно организованная оборона этих атак не выдержала, была опрокинута на широком фронте, и в результате всего противник древний белорусский город захватил. Понеся большие потери, части Красной Армии отступают, и теперь Майкову предстоит организовать оборону силами всё тех же двух полков, но уже на новом месте. Вернее, силами того, что от этих полков осталось. С учётом этого последнего обстоятельства — больших потерь — Палуше был передан ещё один прибывший к месту назначения батальон под командованием капитана Гуревича, в котором насчитывалось около 700 человек. И вот во главе этого войска, в сопровождении отделения автоматчиков, обещанных командармом, Майков и прибыл к месту назначения.

Один из полков, которым ему предстояло командовать, занимал оборону на берегу небольшой реки. Собственно, как вскоре убедился Палуша, никакой обороны не было. Лишь небольшие окопчики для бойцов да стрелковые ячейки для пулемётчиков. Никаких траншей и ходов сообщения не было и в помине.

В самый момент прибытия на командный пункт полка Майков увидел, как молодой совсем ещё полковник истощенно кричит кому-то по телефону, пополам с матюгами, приказывая держать оборону. Палуша сразу понял, что это и есть тот самый «выдвигенец с верхов», который, по словам командарма, «батареи от батальона не отличит». К полковнику подскочил запыхавшийся от быстрого бега боец и сходу выкрикнул:

«Товарищ полковник! Немецкие танки прорвались! Обходят с фланга!»

«А где батареи Тюкалова?»

«Не знаю!»

«Отходим!» — приказал полковник.

«Отставить!» — властно выкрикнул Палуша. Все мгновенно обернулись в его сторону.

«Ты кто такой, чтобы тут командовать?»

«Я — подполковник Майков...»

«А я — полковник Клыков! И команду здесь я!»

«Я назначен исполняющим обязанности командира дивизии и приказываю вам, товарищ полковник, прекратить сеять панику! Иначе я прикажу вас арестовать!»

«Что-о-о?! — картинно нагнул голову полковник и приблизил её к лицу Палуши. — Это я сейчас прикажу тебя арестовать и расстрелять прямо тут на КП как немецкого шпиона!»

«Адъютант! — грозно рыкнул Палуша, обращаясь к командиру автоматчиков. — Взять его! — спесивый полковник и рта не успел раскрыть от удивления, как уже два крепких бойца, подскочив с обеих сторон, завернули ему руки за спину. — Ввиду создавшейся ситуации, властью, данной мне, я отстраняю вас от командования полком! — объявил Майков. — Начальник штаба!»

К Палуше подскочил молодой энергичный майор:

«Начальник штаба майор Шевчук!»

Майков протянул ему свои документы.

«Доложите обстановку!»

Майор растерянно пожал плечами и невнятно промямлил:

«Вот... немецкие танки прорвались...»

«Откуда здесь танки? — Палушу с самого начала мучил этот вопрос. — Ведь впереди река».

«Не могу знать... Наверное, прорвались».

«А там что такое?» — Палуша мотнул головой в сторону, где неподалёку от КП полка виднелись силуэты нескольких легких танков.

«Это разведрота дивизии. Вернее, всё, что от нее осталось».

«Сколько там?»

«Четыре «плавуна». Полковник Клыков держал их в качестве последнего резерва».

«Командира разведроты ко мне! Бегом!»

Через несколько минут к Майкову подбежал командир:

«Старший лейтенант Мелешко».

«Слушайте приказ, старший лейтенант: все имеющиеся в наличии танки приготовить к отражению атаки противника! Начало и направление по моему указанию, вам ясно?»

«Но в роте только четыре плавающих танка...»

«Отставить разговоры! Вперёд!»

«Слушаюсь!» — комроты побежал к своим.

«Где полковая артиллерия?» — задал Майков новый вопрос начштабу полка.

«Там!» — майор махнул рукой за спину.

«Товарищ майор! Товарищ майор! — вдруг громко закричал тот же боец, известивший о прорыве танков. — Артиллеристы! Артиллеристы бегут!»

Все повернули головы в указанном направлении и увидели небольшую группу людей без оружия, бегущих в направлении командного пункта.

«Сто-о-ой! — заорал майор, завидя бегущих. — Почему бросили позиции? Где командир батареи?»

«Товарищ майор! — один из бегущих направился прямо к начальнику штаба. — Батарею разбомбили! Комбат погиб!.. Мы не могли. Мы ничего не могли...»

«Отставить! — вмешался Майков. — Гуревич!»

«Я!»

«Один взвод со мной, остальные на месте. Адъютант! Два человека на охрану вот его, — Палуша указал в сторону обезоруженного полковника. — Остальные за мной! — он выхватил пистолет из кобуры и, будто обыкновенный Ванька-взводный, бросился вперёд. — Артиллеристы! — крикнул, оглянувшись уже на бегу. — Показывайте дорогу!»

В этом был весь Палуша.

Его порыв подхватили бойцы отделения автоматчиков, часть батальона Гуревича, а после окрика и сбежавшие с позиции артиллеристы. Очень скоро они достигли позиций батареи, и перед Палушей предстала картина происшедшего. Батарею действительно атаковала немецкая авиация. Одно из орудий перевернуто вверх колёсами. Обнаружилось повреждённым ещё одно, но остальные-то стояли целёхонькие! Даже боекомплекты рядом с ними.

Батарея была установлена на небольшой высотке. Пространство до реки было в этом месте ровным, насколько хватало глаз, и лишь в одном месте природа образовала невысокий покаты́й холм. Один скат его, обращённый в сторону реки, был доволь-

но крут и представлял серьёзную преграду для любого рода войск. Все же остальные были пологи и удобны. Местность с высоты этого холма лежала как на ладони.

В низине Палуша увидел танки. Их было немного — десяток-полтора — все они были лёгкими по виду, но они стремительно катили вперёд, вклиниваясь в стык двух полков, над которыми Майкову предстояло принять командование. За танками густыми цепями быстро двигалась пехота. «Не меньше полка», — прикинул Палуша. Было ясно, что атака противника, не встречающего достойного сопротивления, грозит прорывом по смежным флангам двух полков. А дальше их возможным окружением. Ведь это была излюбленная тактика немцев: прорыв, окружение, а затем и полное уничтожение противника. Так они уничтожили весь первый эшелон Белорусского военного округа, совершив невиданное доселе в истории войн окружение многотысячного войска, так они действовали и тут. И главный их враг — артиллерийская батарея — молчал.

Возле одного орудия Палуша разглядел маленького худенького бойца с непомерно большими ушами, которые топорщились к тому же в стороны, как два лопуха, и подскочил к нему.

«Почему не стреляешь!»

Боец затравленно повернул голову и совершенно неожиданно ответил:

«Я не умею».

«А почему тогда не побежал?» — рявкнул Майков. Боец пожал плечами, ещё больше округлив глаза, и столь же обнажённо-искренне сказал:

«Я испугался».

Эта подкупающая своей естественностью откровенность совсем ещё мальчишки потрясла Палушу: не стреляет, потому что не умеет; не побежал, потому что испугался.

«Ты кто?» — смягчившись, выкрикнул Палуша.

«Заряжающий первого орудия красноармеец Будников!»

«Заряжай!» — принял решение Майков и припал к прицелу.

До немецких танков было недалеко. Они обходили позиции батареи справа, будучи совершенно уверенными в том, что батарея подавлена авиацией.

«Танки справа! — скомандовал Палуша. — Развернуть орудия!»

Первый снаряд вздыбил землю позади одного из немецких танков. Палуша повернул орудие вправо, покрутил прицел — второй снаряд разорвался перед самым носом танка, но по-прежнему не причинив ему вреда. А вот третий угодил прямо в борт, и танк почти сразу вспыхнул. Ещё два выстрела, и ещё один танк остановился.

«Батарея, слушай мою команду! — выпрямился возле орудия Палуша. — По танкам противника... броневой... упреждение одна фигура... беглым... огонь!»

Не был Павел Федосович артиллеристом. Не освоил всех тонкостей этого дела, где разные цифры в прицеливании командиры сыплют как горох, но его «упреждение одна фигура», годное больше для пехоты, понято было «пушкарями» мгновенно. И батарея открыла беглый огонь. Очень скоро по всей низине там и сям запылали немецкие танки, в нерешительности замедлила продвижение вперёд пехота.

«По пехоте... осколочным... огонь!»

В наступающих немецких цепях один за другим поднялись фонтаны огня и земли. Часть наступающих развернулась фронтом на холм и повела атаку на позиции батареи.

«Автоматчики! — вспомнив о резерве, скомандовал Палуша. — Занять оборону! Прикрыть батарею! — глянул на жиденькую горстку своих бойцов, изготовившихся к бою, и понял — мало. — Лейтенант! — крикнул командиру взвода из батальона Гуревича. — Посыльного на КП! Приказ командиру батальона — немедленно организовать контратаку с фланга. От батареи! Командиру разведроты поддержать атаку всеми наличными танками. Остальным занять оборону! Выполнять!»

«Слушаюсь!» — лейтенант сорвался с места и бросился к бойцам.

А в атакующих рядах противника уж всё переменилось. Уж никак не меньше половины его развернулось фронтом на холм. «Эх, сомнут! — подумал Палуша. — Что мы тут с одним взводом сделаем на голом месте?»

«Приготовить гранаты!» — закричал он залёгшим бойцам. А на солдатах вражеских уж и лица можно разглядеть.

Сзади и сбоку послышался нарастающий рокот моторов. Палуша, оглянувшись, увидел четыре лёгких танка разведроты и густые цепи красноармейцев с винтовками наперевес. Их было всего четыре лёгких «плавуна», но они появились столь неожиданно для противника, навели своим появлением смутение в его ряды, захватчики повернули вспять. И вот они уже бегут. Проходит несколько минут, и ни одного вражеского солдата не остаётся в низине. Полная победа небольшой, но хорошо организованной группы над значительно превосходящим противником.

В последующие четыре дня ничего не смогли сделать немцы с воинским формиро-

ванием, которое оказалось под началом Майкова. На пятый день тяжёлых боёв противник прекратил попытки прорвать фронт на участке группы Майкова, нащупал более слабое место в обороне, ударил туда.

И справа, и слева от группировки Красной Армии, сдерживающей врага на смоленском направлении, произошли прорывы фронта на большую глубину, и сразу три армии оказались в очередном котле, масштабы которого уступали разве что белорусскому котлу, устроенному в первую же неделю войны прямо на границе.

Глава десятая

– 1 –

«Здравствуй, дорогой братик Ерощка!

С красноармейским приветом к тебе родной твой брат Пантюха. Во первых строках своего письма сообщаю, что покуда жив и здоров, чего и желаю тебе жо. Нахожусь я теперь в действующей армии на Н-ском направлении. Ну, про это направление нам ишо татя наш говаривал, когда с Гражданской воротился. Помнишь – ево спас с Ивашком Стуковым мужик? Егором будто бы ево звали, а фамиль евонну я теперь уж и не помню. Дак у тово Егора будто бы как сыновья погинули на том же направлении в Гражданскую, где мы сичас. Но только немца мы не гоним. Пока што он нас гонит. Шибко уж как-то много у ево танков и всякой этой техники. У нас тут-инде танк ли, два ли, ковды нас в атаку-то подымут. Немцы тово часу их перестреляют – и чево? Куды мы по полю-то да безо всево? Минами завалят, как горохом, – вот тебе и вся атака! Взад уж некому и отступить, считай што... А оне как ежли и поднимутся, у их танков этих сразу штук, можот, сто! Наши скоко-то пошшолкают жо, правда, ну, а где их всех-то перешиолкать, ковды их по полю ползёт, как у нас в деревне в теледнике овеч?! Скоко-то загорит жо, а уж остальные прямо по нашим головам! И как вот тут ты усидишь в окопе, ковды живая смерть на тебя по полю идёт? Но меня Бог покуда миловал. А из наших – уйдомских – убило четверых да троё раненых. Матюхи Паклина парню руку оторвало в локте, но загнило, и отрезали почти што по плечо. Горшкову младшему попал осколок в брюхо, и розворотило ево шибко. Аж кишки некоторые выползли! Не знаю, уж сботаитча ли, нет ли. Ну, да у Фегула – тётушки Анисьи нашей сына, нашего-то брата – очередь пулемётной грудь пробило, и ево без памяти уж увезли. И вышло вот, што целый изо всех уйдомцев пока што я один.

Ладно. Ты, главно дело, про Никитку нашово хоть знаёшь ли чево? Я как ушёл на фронт, так ничево и не слышал. И шибко за ево берёт забота. Живой ли, нет ли он топеря. Везд у ево дитё жо малое осталось. И сам-то он ишо дитё, коль разобраться. Давно ли без штанов-то по деревне бегал? Из дому было писано, што нету от ево известий. Но письмо то было ишо до Ильина дня. Это я в ту пору ишо на оборонных был. И больше с той поры уж ничево. И как они нонь тоже там? Тоска такая за последнё время навалилася по им, хоть волком вой! Как будто сто годов уж не видал их всех. А везд всево-то бы три мисича. Кабыть бы, розрешу сичас – бегом бы день и ночь до их бежал, штоб только хоть одним глазком увидеть! Отпиши за-ради Христа всё, што тебе про их известно. Шибко што-то уж тоскливо. Девоч своих не шибко бардовал, покуда возле ног они вертелись. Поряквивал на их, бывало, даже иногда, как шибко допекали, а теперь бы доведись, кабыть – и с рук-то не спукал бы! Ну, разе только штоб Натальюшку мою обнять. Тоже мочи нет терпеть эту тоску, а што, парень, сделаешь. Надо уж воевать. Много рассосуливать не стану – душу только бередить – но тебя ишо раз Христом Богом попрошу: не жалеи бумаги, коли времё есть. Всё, што знаёшь, напиши. И про себя, и про всех наших. Шибко тут без писем нам тоскливо.

Пока на этом до свидания. К сему брат твой родной Пантелеймон Власов.

17 числа сентября месяца 41-го года».

Ерощка перечитал письмо два раза подряд. Посидел, подумал, походил из угла в угол – перечитал в третий раз. Не помогает. Вроде бы радоваться надо – письмо от родного брата, первое письмо с фронта – а тоска такая со строчек веет, будто и не письмо это вовсе, а могила братова отверстая. И не здравствовать он желает, а со всем миром прощается и прощения у всех просит.

Н-ское направление, о котором говорил в письме Пантюха, было с некоторых пор новым направлением Ставки. Хоть и называлось оно официально Калининским, но вообще-то Пантя имел в виду Ржев, в направлении которого отступала дивизия, где он служил и который напрямую называть в письмах с фронта категорически запрещалось. Везд это же Ржев. Какой тут, к чёрту, Витебск, какой Смоленск... Это Ржев! Это выход на Волгу. Это прямая угроза флангового обхода Москвы с севера. Падёт Ржев, Калинин – и всё. Дальше поворот на юг, как под Киевом, встреча с Гудерианом, идущим в обход Москвы через Тулу, – и вообще всё! Конец войне и парад немецких

войск на Красной площади. Как в Бресте в 39-м.

И тогда пришёл из Ставки приказ: «Ни шагу назад! Стоять насмерть!» И, выполняя его, приняли части дивизии решительный бой на ближних подступах к Волге. И полегли там во множестве. Досталась немецкая пуля и Панте. Вернее, не пуля, а снаряд, который разорвался прямо в траншее, где Власов находился, укрываясь от обстрела. Разнесло в клочья всех, кто рядом был, издырявило осколками и Пантю. Вдохнул он ещё несколько раз, покауда билась мысль в голове и сердце в груди, успел ещё подумать: «Эх, не довелось...» А уж что именно «не довелось» — так никто и не узнал. Потому что потух после этого в глазах русского мужика жизненный огонь, и перестало биться его сердце. Это было 18-го сентября 1941 года. То-то брату его чуть ли не две недели спустя показалось, что Пантюха в письме с ним попрощался. Но только показалось: самого ждала уж нелёгкая фронтовая доля и полная неизвестность.

— 4 —

Мурманское стратегическое направление никогда не фигурировало в планах и документах Генштаба как главное. Да что Мурманское — Ленинградское-то, если посмотреть по количеству и составу войск округа, и то было второстепенным. Против кого там воевать? Ведь одни финны поблизости. А финнам дали «прикурить» ещё год назад. И договор с ними подписан, чтоб не рыпались.

Иное дело — западное направление. По-старому говоря — Белорусский военный округ. Там только в первом эшелоне три мощнейшие армии с полным набором вооружения да ещё две во втором. А на Юго-западном — то бишь в Киевском военном округе — так и вовсе пять армий только в первом эшелоне, вдоль самой границы. Да в глубине ещё три. Даже Одесский округ если взять: ну что, казалось бы, там делать? Впереди одни румыны, а какую силищу туда нагнали! Назвали её девятой армией, возродив год назад после финского конфуза и расформирования как не справившейся с поставленной задачей, и набили войсками так, что ахнешь. Одних только стрелковых корпусов четыре. Механизированных два, кавалерийский... Один стрелковый корпус, правда, переподчинили Киеву перед войной, но он-то всё равно ведь никуда не ушёл. А отдельных частей да дивизий если ещё посчитать, кроме того сколько... И это армия мирного времени? Да не во всяком целом округе такая сила. Кому глаза застит собрались? Кого за нос водить этим названием — армия? Под Ленинградом в целом округе войск не было, сколь напихали генералу Болдину под Одессой в его девятую армию. А с виду всё как вроде бы пристойно. Как вроде бы обычная общевойсковая армия.

На крайнем же севере после финской войны из всех пяти армий, в войне участвовавших, ничего и не осталось. И 9-ю, и 8-ю армии расформировали как не выполнившие поставленных задач. Даже 7-ю, вынесшую главную тяжесть боёв на Карельском перешейке, убрали под Ленинград. И осталась на севере лишь одна 14-я армия, которая во время финской войны орудовала на правом фланге фронта, на самом берегу Баренцева моря. Вот ей теперь и предстояло одной растянуться на многие сотни вёрст аж до самого Ленинграда, где установить локтевую связь с 7-й армией Ленинградского военного округа. И в одиночку закрыть ту границу, которую во время финской войны атаковали пять армий со стороны СССР. Но и войска в ней насчитывалось поменьше, чем в других армиях, и артиллерии поуже было, и танков меньше — с кем воевать-то? Впереди ведь только одни финны. Но воевать пришлось и воевать не с финнами.

31 августа 1941 года в Архангельск прибыл первый союзный конвой с вооружением. И понял Гитлер: важнейшая цель — Мурманск. Захватить его, лишить Северный флот его баз, ликвидировать саму возможность Северного флота оказать поддержку союзникам в проводке их конвоев. И полетели бомбовозы на заполярную столицу. Реку Западную Лицу форсировали, плацдарм на её восточном берегу захватили.

Теперь уже Сталину стало ясно, что ещё миг — и Мурманск возьмут — конвои не пройдут. Архангельский порт зимой недоступен, железная дорога к центру будет перерезана. На дворе сентябрь, и кругом одни «котлы». Под Смоленском три армии в окружении, под Киевом — пять, Ленинград в блокаде, и к Москве вражьи пальцы-дивизии потянулись с обеих сторон. Где взять войска для обороны Мурманска, если они позарез под Москвой важны? И полетели руководству Мурманской области и командованию 14-й армии циркуляры: «Помощи войсками и вооружением не ждите. Изыщите собственные резервы. Город удержать любой ценой!»

А в городе из довоенных 100 с лишним тысяч населения осталась едва ли половина. А все и вроде как при деле. А все и «на брони». Откуда ж резервы-то? И полетели от руководства Мурманском циркуляры на предприятия и организации: «Пересмотреть!» «Изыскать!» Вот и изыскали Ерошку Власова. Пулемётчик ведь. Война идёт, а пулемётчик не у дел.

– 5 –

Полярная дивизия народного ополчения формировалась с миру по нитке. Оттуда — человек, отсюда — три... там с десятком... Но всё одно мало. На два полка только людей наскрёбывается. Но всё равно — вперёд: сбить немцев с плацдарма.

Полк, в который попал Ерошка, прибыл в указанный район в самые последние дни сентября. Уж было холодно, уж по ночам и примораживало, ветер с моря леденил. Подогнали туда ещё один полк из вновь набранных и перед новоявленной стрелковой бригадой поставили задачу: взять сопку, которая над местностью господствовала и плацдарм вражеский на берегу реки с востока прикрывала.

А воевать-то чем? Пovyскребли где что могли, подвезли, открыли ящики оружейные — а винтовок на всех и не хватает. В двух ящиках так и вовсе пашки кавалерийские оказались. Ерошке винтовки не досталось. Нашёл какую-то бадожину — ею и приготовился врага крушить. Это кадровый пулемётчик. Пулемётчик-снайпер! Ну, не с голыми же руками в атаку бежать. «Ур-ра-а-а!» — и побежали оба полка на злосчастную сопку. Кто-то с винтовкой, кто-то с саблей, кто-то с бадожинкой, как Ерошка, а были некоторые и ни с чем. Где колов в тундре на всех наберёшь?

Немцы ударили из миномётов. Будто картошка из рваного мешка, мины сверху посыпались по цепям бегущих... О, Господи! От пули за камень хоть бы можно спрятаться, а от мины куда же ты заляжешь? Она же, стерва, сверху падает. И началось... Кому-то ногу оторвало, кому-то руку, а кому-то и голову. С Ерошкой рядом грузчик из порта бежал. Винтовки не досталось тоже. Ураина в руках величиной с оглоблю. Ну, говорит, дай бы только Бог мне до их добежать, уж хоть одну башку проломил бы, ни жалесь, фашисту, штоб не лез на чужую землю! Рвануло в очередной раз сбоку. Ерошка глянул в ту сторону — мать честная: у грузчика рот оторван подчистую. Дырища в глотке, и язык из неё, как у собаки, вывалился весь и висит. Но ведь бежит же, бедолага. И орёт! И коляжину из рук не выпускает — уж шибко, видать, охота хоть бы одного вражину угробить. Немного, правда, подбежал — упал... Ерошка со страху от этой картины ещё пуще побежал. И все бежали. Остановиться-то как ежели — ведь смерть для всех. А как если бежать, то для некоторых только. И все это поняли и продолжали бежать в атаку безостановочно.

И ведь добежали! Добежали до верха сопки — и в штыки, у кого они были, а у кого не было — те чем попадая по чужеземным головам. И раскрошили всех, кто там был, в мелкую крошку.

Глава одиннадцатая

– 1 –

На «октябрьскую» пошёл долгожданный снег. Стоял один из редких для Уйдомы дней в целом году, когда все, даже маленькие и худосочные, ветерки словно бы позабыли про свою каждодневную заботу — шнырять по уйдомским угорам, заглядывая и беспокоя своим появлением каждый закоулок, — и снег как будто бы наслаждался этой столь необычной тишиной и спокойствием. Он неспешно падал пушистыми белыми хлопьями, будто нехотя, словно задумываясь по дороге — упасть или ещё повисеть хоть малость в сделавшемся каким-то мягким воздухе — и в то же время тщательно и бережно укрывая землю, как хозяйка постель на большой праздник.

«Слава тебе Господи! — крестились уйдомцы. — Дождались!»

А уж как ждали! Ведь ещё в сентябре, едва картошку только выкопали, инеи завалились. Ледок на лужах запоявлялся уж в октябре, а на Покров — это же надо — на Курженьге забереги показались. Когда такое было? Курженьга ведь не лужа застоялая, походая её не обуздаешь. Земля схватилась на добрую четверть до конца октября, и головочесальная свалилась на людей напасть: чего обусть? Валенки ежели, коль такой мороз — враз истаргаешь обустку по шелупе. Ведь как камнем земля оцетинилась замёрзшей грязью. День-два в валенках шагни-ко только — все и в дырах будут. А кто ушивать? Мужиков-то нету. Лапти ежели натиперить на ноги с онучами — тоже долго не проносишь. Сапоги? Так их, во-первых, ещё надо где-то взять, чтобы на всех в дому хватило, а во-вторых, в них ноги стынут даже на ходьбе. Вот и чеши затылок в раздумьях.

А и почесать не дают бригадиры колхозные. И свет-то Божий ещё не ступил на грешную землю, а они уж под окошком с бадогом и по стенам бадогом этим: на работу, дескать, хозяева! А какие хозяева? Считай что, наголо одни хозяйки. Хозяева на фронте, а кто-то уж и во сырой земле. Не хуже снега завалило Уйдому «похоронками» за чetyре месяца. За всю Германскую столько не было. Тот убит, другой без вести пропал...

Маню Антипову вся деревня, как огня, страшиться стала. Как только где она пока-

жется с сумкой на плече, все бабы так и обмирают, как будто в сумке Маниной одно только горе горькое. Уж не раз и не два подумывала Маня бросить это дело — почту разносить. Уж шибко невоготу стало горе людское своими ногами разносить, а руками раздавать. Но где доход в дом взять, коль почту разносить отказаться? В колхозе? Не-е-е! От одного лишь воспоминания этого слова в душе Мани вскипала лютая ненависть ко всему, что было связано с колхозом и с властями, его установившими. Жизнь её всю переломало это слово. Уж лучше смерть, но только не в колхоз.

— 2 —

На Октябрьскую собрались уйдомцы к сельсовету.

«Дорогие товарищи! — начал приезжий секретарь. — От имени районного комитета партии большевиков и от себя лично поздравляю вас с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции! Наша революция, товарищи, открыла новую эру в истории человечества. Она дала возможность вам — простым крестьянам и вашим братьям по классу рабочим — стать хозяевами вашей жизни и навсегда сбросить с плеч ненавистное ярмо эксплуатации помещиков и капиталистов. Она открыла новые пути... — какие именно пути были открыты революцией, народ пропустил мимо ушей, все напряжённо ждали, «чево там ишо»: — В тяжёлую годину встречаем мы наш главный праздник — день рождения советского государства. Коварный враг напал на нашу страну. Напал вероломно, напал, нарушив мирный договор, и, не ожидавшая такого коварства, Красная Армия понесла тяжёлые потери. Она оказывает героическое сопротивление зарвавшимся гитлеровским захватчикам, но силы неравны, и враг всё дальше и дальше продвигается вглубь страны. Уже захвачена Белоруссия и почти вся Украина. Пал Смоленск и осаждён Ленинград. Жестокие бои идут на Мурманском направлении и на Калининском. Я прошу обратить ваше внимание, товарищи, что положение сделалось угрожающим. Враг не только захватил Ржев и Калинин, где воюют большинство наших земляков, он не только перерезал Октябрьскую железную дорогу, но он создал и прямую угрозу продвижения дальше. На Ярославль и Вологду! — тут народ, не сговариваясь, охнул: как на Ярославль? Как на Вологду? Ведь это же конец всему? — И каждый из вас понимает, товарищи, — будто откликаясь на вопросы, сказал секретарь, — что если это, не дай Бог, произойдёт, если Ярославль и Вологда будут захвачены врагом, то немцы перережут единственную оставшуюся магистраль, соединяющую Архангельск с центром. И тогда тот поток военной помощи от союзников, который пошёл к нам через Архангельск, будет ни к чему. Помощь не дойдёт до действующей армии, и это может обернуться очень тяжёлыми последствиями. В связи с угрожающей обстановкой на северном участке фронта Центральный комитет нашей партии принял решение о мобилизации населения на оборонные работы. Это очень трудное решение, товарищи, ибо оно отвлекает трудоспособную часть населения от важнейшего дела — снабжения нашей армии продовольствием и всем необходимым — но ЦК партии вынужден был пойти на эти крайние меры. Потому что если не остановить сейчас рвущегося вперёд врага, он обойдёт Москву с севера, перережет железную дорогу на Архангельск, и наша столица может быть взята им. Я думаю, что вы прекрасно понимаете, товарищи, что это может означать для нас и нашего государства. И потому Центральный комитет принял решение: мобилизовать всех девушек 17-ти и 18-ти лет на оборонные работы. Списки мобилизованных уже составлены. Они находятся в сельсовете, и все вы будете с ними ознакомлены. Мобилизация на оборонные работы приравнивается к мобилизации в действующую армию, а потому уклонение от неё или попытка саботажа будет караться государством по всей строгости военного времени».

Все собравшиеся ощутили, что война зашла прямо к ним в деревню. До этого она была где-то далеко, и в это «далеко» забирали мужиков, так же как и в Германскую в 1914-м году. Теперь же война пришла сюда и потребовала новую дань — молоденьких девушек, которым предстояло делать совсем не девичью работу. Но давно уже привыкшие к тому, что всякая власть — это насилие, люди понимали: сопротивление бесполезно. Как было оно бесполезно, когда их силой запихивали в колхозы, выкручивая руки непокорным непомерными налогами, ссылкой и даже полным уничтожением, как Стуковых. Когда гнали на лесозаготовки и опустошали хозяйства грабительскими госпоставками. А когда, уж перед самой войной, порушили власти основу основ деревенского уклада — белокаменную красавицу церковь, не обращая внимания ни на какие протесты и выкрики: «Антихристы проклятые!» — люди особенно наглядно усвоили, что «все эти сельсоветы и комитеты от дьявола» и что они могут лишь издавать циркуляры для исполнения, ни в малейшей степени не интересуясь мнением и желанием народа, как это было при царе на деревенском сходе, где всё решало сообщество и право слова имел каждый. Люди крепко усвоили: теперь они ничего не решают.

Они должны лишь исполнять чьи-то решения, а вот какие они, эти решения — добрые или злые, разумные или бестолковые — в этом люди изменить что-либо не могли. Их удел — исполнять. Как удел скотины: разрешит хозяин — пожуёшь травку, не разрешит — пойдёшь под нож.

Но на страну напал враг. И ему всё равно, кто ты есть — простолюдин или партийный секретарь. Он — общий враг для всех. И его надо изгнать. А для этого нужно единство. Только тогда возможно победить жестокого врага. Так бывало всегда. Перед лицом большого горя все объединялись. И заезжому краснобаю никто не возражал. Все уйдомцы в душе были согласны: выхода действительно больше никакого нет. Копать мёрзлую землю стариков со старушками действительно не пошлешь, и это решение правительства — здраво.

«А одёжу нам казённую дадут?» — раздался из толпы чей-то голос.

«Нет, товарищи! На месте производимых работ вы будете обеспечены только необходимым инструментом и пропитанием по нормам военного времени. Одежда должна быть у каждого своя».

Больше никаких вопросов секретарю никто не задавал.

— 3 —

Надька Демидова даже и не задумывалась, ехать или не ехать ей на оборонные. Конечно, ехать! Ибо больше некому: все мужики на фронте. На другой уже день после праздничного митинга Надька, как и многие её знакомые и подруги, шла по заснеженной дороге к райцентру, где намечен был общий сбор всей партии мобилизованных на эти работы.

Их собралось несколько сотен — таких же, как и Надька, 17-18-летних девчушек. Им дали в сопровождение 4 лошади, запряжённые в сани, на которые был загружен хлеб и кое-что ещё из самого необходимого. Партийный секретарь сказал в напутствие краткую речь, полную суровых предостережений, и поставил задачу: всем им предстоит пешком добраться до ближайшей железнодорожной станции, до которой 100 километров. Времени на это отведено 4 дня. Предстоит коротать ночи в сараях да сеновалах попутных колхозов, с которыми это уже договорено. И девчушки пошли. Пешком. А как ещё дойти до станции, коли река замёрзла, а другого способа попадать куда-нибудь из райцентра или в райцентр издалека в зимнее время просто не существовало. До войны были лошади, так ездили на них, но теперь лошадей нет. Но никто не роптал. Девчушки понимали, что предстоящую работу могут сделать только они — больше некому.

На поезде тащились чуть не двое суток. В товарных вагонах. Без печек, без кроватей — только нары в три яруса да немного сенца на них. Добрались до Вологды. Выгрузились — и опять грузиться. Дальше — в Грязовец. В Грязовце огромную толпу молоденьких девчушек погонили в чисто поле. Как стадо телят. Никто не роптал, каждый понимал всю важность и необходимость дела, ради которого согнали в одно место тысячи людей.

Выгнали всех в чистое поле, на пронизывающий до костей ветер и сказали: «Вот тут надо выкопать окопы, блиндажи, ячейки, капониры и прочие траншеи да ходы сообщения на много-много вёрст». И приободрили слегка: «Тут неподалёку есть деревня. Километра три до неё, и там вы будете ночевать. Прямо сейчас мы туда пойдём, и вас всех распределят по домам».

В каждую избу запускали ровно столько, сколько могло расположиться там на полу вповалку в один слой, и распределили всех. Сказано было хозяевам (вернее, хозяйкам) домов, что мобилизованные будут приходить только на ночлег, всё остальное время они будут копать, что трудности эти временные, что надо потерпеть, потому что война — она для всех и, стало быть, это надо понимать и принимать.

Набросали на пол сена да соломы и улеглись рядком в одежде во своей. Хоть в тепле, дак и то ладно. Уснули как убитые, едва лишь головы к санным настилам приложили.

Задача на другой день: копать. Снег спорхали с земли, а дальше — камень. Земля — камень. Лопата звякает и не берёт. Глызку маленькую только отколупывает, как стукнешь, — и всё. Выдали ломы. А их девчушки отродясь в руках не держивали. Не бабий это инструмент — лом-то. Бабе бы скалку в руки деревянную, чтоб тесто раскатать, али сковороду, а тут — лом. Но делать нечего, копать надо. Взялись да и попеременно давай тюкать. Одна запыхается, ей на смену сразу же другая.

«Чтоб лом горячий был всё время!» — военные ещё и подзадоривали.

И так, считай что, на полметра всё по мёрзлону, покуда в мягкое не воткнулись. Тут-то и обрадели: теперь-то уж выкопаем! Вот ведь как оказывается: даже в такой работе праздник может быть. Покуда ломом мёрзлое пробивали — чистая каторга для

всех, а как до мягкого дело дошло да лопаты пустили в ход — тут уж и праздник. Хоть и руки выворачивает от усталости.

А присесть или постоять не дают. Чуть маленько кто-то остановился, сейчас и крик: «Чего встали?! Под трибунал захотели? А ну, копать!»

Слово это казённое — трибунал — страшило больше, чем наган на поясах у военных, и перепуганные этим словом девчухи старались не стоять. Только один раз за весь день им разрешили посидеть вокруг разожжённых по всему фронту работ костров. Отдохнуть и обогреться. А ещё в это время всем дали хлеб. По 300 граммов. Замёрзший, затвердевший — зубы сломишь — но хлеб. И его проголодавшиеся девчухи сгрызли чуть не за один укус, даже не заметив твёрдость, словно вконец отощавшие бездомные собаки голую кость.

«Вы чего делаете?! — воскликнули воинские начальники. — Вечером-то чего есть будете? 300 граммов — это ведь вам на весь день».

И вот тут как-то сразу в ответ поднялся недовольный тысячеустый вой:

«У-у-у-у!» — будто от стаи голодных волков, пронеслось по всему фронту траншей от костра к костру.

«Да как же мы с такой кормёжкой копать будем? — раздалась возмущённые крики. — Лопату ведь не выздунуть, не то что лом!»

Но военные к такому повороту дел, по-видимому, были приготовлены.

«Тих-х-ха-а-а!» — раздалось, заглушая, возмущённые голоса. — В Ленинграде и того меньше выдают, и то люди живут. И работают. А вам по 300 граммов дали. И вы ещё возмущаетесь. Радоваться надо, а не возмущаться. И работать. А кто ещё пикнет — под трибунал, как саботажников! Все слышали? И предупреждаю всех, — продолжил военный начальник, — территория производства работ охраняется. Охрана с собаками. Так что не вздумайте бежать. Каждое утро перед выходом на работу — перекличка. Если кого-то не окажется на месте — под трибунал вся группа».

И уж не своим русским мужиком показался девчухам этот горластый военный чиновник, а злобным недругом, как и те, что идут на Россию в рогатых касках. И разница между ним и теми в касках лишь одна: этот говорит по-русски.

И девчухи поняли: или они выкопают линию обороны, либо их самих тут закопают. А в 17 лет так хочется жить! Хочется ласки и любви, хочется кому-то быть нужной, единственной.

Какая же беда великая пришла на Русь! Эту истину каждая из согнанных на окопные работы девчухек по-настоящему осознала здесь, у кромок то ли открытых траншей, то ли открытых могил.

— 4 —

Когда ударили 40-градусные морозы, окопные работы остановились. Почти совсем не стало подачи вперёд у девчухек, долбавших ломом мёрзлую землю. График строительства линии обороны полетел ко всем чертям. Надо бы сапёров — рвать землю динамитом, а где они, сапёры? Все на передовой.

«Надо костры!» — решило военное начальство. — Землю ими отогревать и талое потом откатывать».

Но надо и топливо, коль так. Лес, слава Богу, недалеко. Но разве можно натаскать из него хоть тех же сучьев? О брёвнах и говорить нечего. Нужно тягло. Пошли начальники военные в колхоз ближайший, а там от всего лошадиного поголовья одна-единственная коняга осталась, годов двадцати от роду, вся измученная, на переднюю ногу прихрамывающая. Животину такую рачительный хозяин в доброе время давно бы уж на мясо перевёл, дабы избавить от мучений, но только где же времена эти добрые? Забыли уж про них те, кто их глазом своим видал, а Надька да ровесницы её — так те и вовсе не знавали. Осталась еле живая коняга дорабатывать свой век в оглоблях только потому, что как тягло в Красной Армии была негодна. Конфисковали. И повезли на ней девчухи из лесу топливо для костров. И разожгли костры спасительные по линии стройки, очистив землю от снега, и дело-таки сдвинулось. Пошла копка.

Лошадёшку на ночь во хлев деревенский, специально для неё выбранный, отводили, а утром опять в оглобли. И ведь тягала же! Словно понимала животина, что без неё никак. Месяц почти что изнурительной работы перенесла, в самую стужу, до 50 градусов доходившую, топливо отвозила. И пала. Прямо в оглоблях. Отмучилась.

Окопные работы закончились только в марте. И погнали назад до Грязовца тех, кто выжил. Опять в товарные вагоны запахали, муки мешок заместо хлеба, да и тронулись работницы войны в обратный путь. А морозище-то, даром что весна по календарю! Дует через все щели на ходу немилосердно. Перемёрзли девчухи, уцелевшие в своих же руками вырытых окопах. Там, на поле, выжили, а тут перемёрзли. Как брёвна, тельца их окоченевшие повывалят на остановках те, кто эшелон сопровождал, дадут

в живых оставшимся опять муки или сухарь, чтобы погрызть, студёнки пополам со льдом ведро, чтобы попить, — да и дальше.

Пока до конечной станции добрались, выходить из вагона уж, считай что, некому. Надька Демидова с Галькой Ефимовой выбрались же кое-как, ещё сколько-то человек за ними вслед, а остальных — тела мёрзлые, как брёвна, к обочине стащили. За труд поблагодарили тех, кто в живых остался, мёртвых помянули — ничего, дескать, не сделаешь, война. Муки опять немного на дорогу дали, и подите, мол, вы, девушки, на все четыре стороны.

Надька с Галькой и пошли. Перебрались по льду через реку, да и пошли всё той же дорогой, по которой осенью были гонены. Но уж домой. А сто вёрст до дому-то. По дороге не всяк хозяин пускает в дом. У всех же дети малые по избам, а тут подходит к дому неизвестно что такое: оборванное, грязное, вшивое — как такое страховище в дом пустить? Перебивались Галька с Надькой где как, где-то сухариком, где-то картошкой, где-то в овине заночуют, где-то в баньке на отшибе, а где-то и в тепло старушка сердобольная ночевать пустить не побоится.

Сотни девчат ушли из Уйдомы по осени, а взадь пришли — Галька да Надька. Где остальные? А кто ж его знает, другим ли эшелонам были перевезены, замёрзли ли дорогой?..

Часть вторая

Глава тринадцатая

— 1 —

В самом начале января наступившего 1942 года подполковник Павел Майков прибыл в штаб Калининского фронта, вернувшись в строй после тяжёлого ранения, полученного при выходе из окружения под Смоленском. Как только Майков переступил порог помещения, где разместился командующий, навстречу ему поднялся высокий поджарый генерал с широкой улыбкой на лице. Палуша обмер: перед ним стоял его бывший командарм, встретившийся ему перед боевым крещением под Витебском.

«Ну, вот мы опять и встретились, дорогой мой земляк! Я вызвал тебя в штаб, — объявил командующий после первых вопросов и ответов, — чтобы лично сообщить тебе, что ты назначаемся на должность командира дивизии в 39-ю армию. Это совсем новая армия. Она сформирована всего лишь месяц назад в Архангельске и сейчас перебрасывается на наш фронт для его усиления. Так что будешь бить немцев вместе с земляками, Павел Федосович. Перед нашим фронтом поставлена задача — разбить ржевскую группировку немцев и освободить Ржев. Это на первом этапе. На втором этапе — продолжить наступление в направлении магистрали Москва — Смоленск; вот взгляни».

Командующий подвёл Майкова к карте и указал на жирные красные стрелы, идущие вниз западнее Ржева: командование задумало грандиозное окружение врага. От Москвы прямо на запад в сторону Вязьмы тянулись другие красные стрелы, исходившие от Западного фронта. Их соединение со стрелами от Калининского означало бы полное окружение всей подмосковной группировки врага.

«39-я армия должна вынести на своих плечах основную тяжесть боёв на окружение врага, — озвучил замысел Ставки командующий фронтом. — Но это новая армия, в ней не хватает командиров, имеющих боевой опыт. Особенно командиров высшего звена. И когда я узнал, что тебя держат где-то в тени, то настоял перед Ставкой о твоём назначении».

«Спасибо, товарищ командующий!»

«Как думаешь, четвёртую «шпалу» тебе на петлицы не пора ли пришить? — генерал протянул Майкову новенькие петлицы с четырьмя блестящими полковничьими «шпалами» на каждой. — Приказом наркома тебе присвоено воинское звание полковник».

— 2 —

Командир 206-й пехотной дивизии Вермахта генерал Хёфль размышлял. После успешных для Красной Армии боёв на Калининском направлении, закончившихся изгнанием немцев из Калинина, русские вплотную подошли к Ржеву, вынудив основную массу немецких войск поначалу покинуть и его. Гуго Хёфль понимал, что наступление противника на этом не прекратится. Что Ржев — это их следующая цель, но когда, где и какими силами нанесут они удар? Войска дивизии Хёфля, изрядно потрепаные в предыдущих боях, отступили за Волгу и приготовились встретить новый удар

противника. Но что значит — приготовились? На главные вопросы командир 206-й дивизии ответов не имел. Тем более, что после отступления дивизия оказалась не в самом городе, а слева по фронту от Ржева, вроде бы как в стороне, вроде бы как не на направлении возможного главного удара противника. Кто их знает, этих русских, что они задумали.

«Чего вот, спрашивается, они лезут вперёд в такой мороз? — недоумевал генерал. — Зарылись бы в землю, как и мы, дождались бы тепла. Ведь они же мёрзнут не меньше нашего. Ведь они же тоже люди. Нет — лезут... — генерал не находил разумного объяснения своей мысли. — И вообще, чего они до сих пор ещё воюют? Они давно уже должны были сложить оружие. Ведь мы подошли к Москве на расстояние выстрела из дальнобойного орудия. Их столица была в осаде, она и сейчас в осаде, несмотря на то что мы вынужденно отступили. Франция поняла, что поражение неизбежно, и сложила оружие. Зато она цела. Не разрушены её прекрасные города, цел Париж. А русские что делают? Их столица наполовину разрушена нашей авиацией. Пленных за полгода мы взяли сотни тысяч. А сколько уничтожено? Целые армии попадали в котлы. Горы брошенного оружия и техники. Это настоящая военная катастрофа государства. А они воюют. Почему они не поступят, как французы? Ведь им же нечем воевать. Их пехота шла в атаку под Калинином почти без всякой поддержки. Но так же нельзя. Это противоречит всем правилам военной науки — бросать людей в атаку без поддержки танков. Создаётся впечатление, что для них не существует военных правил. Они то бегут толпами, бросая оружие, то бросаются такими же толпами в рукопашную схватку и вцепляются в каждый метр земли, как это было под Смоленском, то оставляют большие деревни, которые сами же и сжигают. Но ведь там же их дети, старики, женщины, которых они оставляют без крыши над головой ради того только, чтобы доблестный солдат фюрера не мог провести ночь в тепле. А подмосковные водохранилища? Они же взорвали плотины и затопили водой огромные территории вместе со всем, что на них было, лишь бы наши солдаты не могли идти вперёд. Это не поддаётся здравому смыслу. Ведь эти огромные жертвы напрасны, Москва всё равно падёт. Кончится когда-нибудь этот адский мороз, мы снова пойдём вперёд, и Москва падёт. А вслед за ней падёт и вся Россия. Нужно всего лишь подождать до весны. Как-нибудь пережить зиму. Доблестные немецкие солдаты смогут сделать это. Они покорили Европу. Они уже прошли половину России. Осталось одно усилие — и победа... Но что же всё-таки задумали эти непредсказуемые русские? А вдруг они ударят в обход Ржева? И получится, что ударят как раз по 206-й со всеми вытекающими последствиями».

А ведь дивизия-то к обороне не готова так, как бы того хотелось её командиру. Этот проклятый «генерал мороз» так сковал землю, что в неё стало невозможно зарыться. И войска могут не выдержать удара. Командир 206-й ясно отдавал себе отчёт в этом. Он на месте русских так бы и сделал — ударил бы в обход Ржева по слабо оборудованной обороне противника. Прямая атака на город может иметь массу осложнений, а вот удар в обход по пустому берегу с целью прорыва фронта — это почти полная гарантия успеха. Не могут же русские не понимать того, что в условиях мороза наступать проще, чем обороняться. Оборона — означает удержание рубежей, а как их удержать, если эти рубежи к обороне не подготовлены? Нет траншей, оборудованных огневых позиций, наконец, негде укрыться от мороза и обогреться. В докладах подчинённых всё больше стали мелькать цифры потерь от обморожения.

— 3 —

«Получен приказ Ставки, — объявил комфронта командующим армиями, собранными на военный совет, — освободить от немецких захватчиков город Ржев. Навалиться на Ржев всеми силами фронта мы не можем. Во-первых, город невелик — мы только помешаем друг другу. Во-вторых, фланги фронта будет укреплять от контрударов. И вообще Ржев — это только первый этап нового наступления. Надо подумать и о втором. А потому атаковать город будет только одна армия. Ещё одна поддержит её и обеспечит наш левый фланг с Западным фронтом. Главный удар мы нанесём правее. В обход города. По нашим данным, оборона немцев там не ахти, и нам по силам прорвать фронт. В наступление пойдут все оставшиеся три армии, но основной прорыв будет осуществлять 39-я армия товарища Масленникова. Она наиболее свежая из всех и достаточно хорошо укомплектована. Ещё одна армия должна быть в полной готовности войти в прорыв и надёжно обеспечить фланги. Чтобы наверняка достигнуть быстрого успеха, прорывать фронт будем на очень узком участке с дальнейшим расширением прорыва в обе стороны, — комфронта обвёл взглядом собравшихся, словно спрашивая их о том, понятен ли им его замысел, и продолжил: — Штаб фронта считает, что в создавшейся ситуации нам по силам совершить прорыв фронта на двух участках: вот здесь и здесь, — он указал места на карте. — По данным разведки, оборону тут

занимает 23-й армейский корпус немцев, и нам совсем ни к чему лезть на его позиции в лоб. Прорыв 39-й в центре наших боевых порядков позволит нам обойти позиции 23-го корпуса с его правого фланга, а прорыв на правом фланге нашего фронта позволит сделать то же самое слева от этого корпуса противника и блокировать его с обеих сторон. А дальше, уже юго-западнее, обе группировки должны соединиться и завершить полное окружение этого корпуса. Какие будут вопросы?»

«А что будет с нашим флангом? — спросил командующий правофланговой армией, перед которой только что была поставлена цель — прорыв обороны немцев на самом фланге фронта. — Как себя поведёт наш сосед?»

«Вопрос с командованием Северо-Западного фронта — нашим правым соседом — согласован, — успокоил генерала комфронта. — Две его ударные армии уже получили задачу на поддержку нашего наступления. Они ударят одновременно с нами и обеспечат наш правый фланг. Ещё вопросы?»

«Разрешите! — подал голос моложавый полковник в «кубанке». — Товарищ командующий, я ничего не услышал о роли кавалерийского корпуса в предстоящей операции».

«Вы — наш подвижной резерв».

«Но кавалеристы рвутся в бой, товарищ командующий. Они на многое способны в предстоящем прорыве».

«Не беспокойтесь, полковник, драки хватит на всех, — улыбнулся комфронта. — Сказанным наша задача не ограничивается. Это лишь первый её этап. После успешного его завершения — а я очень надеюсь, что всё так и будет — наступает второй этап. Его конечная цель — Вязьма. Вот тут-то нам и пригодятся конники больше всего. Если к тому времени всё произойдёт так, как мы планируем, оборона немцев уже будет дезорганизована. Вот тут-то и пойдут в атаку кавалеристы. Чтоб ещё больше заставить немцев драпать. А бросать коней в первых рядах через Волгу на пулемёты врага — это полная глупость. После прорыва фронта и блокирования Ржева с запада все наличные войска трёх армий должны войти в прорыв, расширяя его в обе стороны, и, повернув на юг, выйти на оперативный простор. Это позволит в значительной мере облегчить задачу армии, которая будет штурмовать город в лоб, с северо-запада. Второй этап операции, как я уже сказал, предполагает глубокий охват всей подмосковной группировки врага и выход к магистрали Москва — Смоленск в районе Вязьмы».

«Окружение?» — возбуждённо уточнил кто-то.

«Да! — подтвердил командующий. — Перед войсками двух фронтов поставлена задача — окружить и ликвидировать всю немецкую группировку под Москвой. Пока мороз нам в помощь. Пока они не очухались, пока отступают, пока всё на нашей стороне: и силы, и погода. Приказываю: ударным группировкам действовать решительно и быстро. В мелкие стычки не ввязываться, всеми силами вперёд! Разрозненные и окружённые группы немцев сами лапки вверх задерут, как только связь и снабжение потеряют. А потому — вперёд! Только вперёд».

— 5 —

Дивизии Майкова выпала роль пробивного тарана. Ей поставлена задача: прорвать фронт обороны немцев на узком участке, а потом в прорыв ввести новые соединения, расширяя прорыв по фронту в обе стороны. И ещё в одном месте фронта, как Майков знал от командарма, намечен такой же прорыв. Дальше, в случае успеха, войскам, слившись воедино, предписывалось продолжить наступление широким потоком. Палуша сразу оценил задумку комфронта: не сплошной цепью полков и дивизий пойти вперёд на широком фронте, а словно тонким жалом проколоть оборону врага в двух местах, опрокинуть её там за счёт созданного превосходства в огневых средствах и людях, а уж потом, словно воду из запруды, пустить через образовавшиеся бреши в обороне противника основные силы фронта. Всё говорило о правильности замысла, всё обещало несомненный успех, ибо концентрация войск на участках прорыва была очень высокой. Неизвестна была только цена, которую за этот прорыв предстоит заплатить. Цена людских потерь. Это-то и не давало покоя комдиву, который все годы службы в армии мыслил только этой категорией — категорией людских потерь. Очень уж всё гладко выходило в планах: прорыв, соединение, наступление, окружение — и полная победа в конце всей операции. Майков знал, что когда всё очень гладко в задумках, обязательно жди какой-нибудь подвох. И потому Палуша с нетерпением ожидал результатов разведки.

«Товарищ полковник, — к утру доложил ординарец. — Разведчики вернулись».

Палуша быстро вскочил, накинул на плечи шинель.

«Товарищ полковник, задание выполнено. В поиске участвовало четыре группы, — начал капитан Трофимов. — Доставлено три языка».

«Пленных допросили?»

«Так точно».

«Докладывайте».

Они подошли к развёрнутой карте:

«В полосе предстоящего наступления нашей армии расположился 23-й армейский корпус. Его правифланговая 206-я пехотная дивизия занимает оборону как раз напротив нас. Но оборона недостаточно сильна. Передняя линия траншей ещё всё-таки существует, а вот в глубину... — Трофимов замялся. — В глубину мы далеко не лезли. Времени было в обрез, да и языков уже захватили во всех группах. И потому о состоянии передних траншей докладываю со слов командиров групп, которые там были и всё своими глазами видели, а вот о глубине обороны только по показаниям пленных».

«Система огня?»

«По показаниям пленных выходит, что и дивизионная, и корпусная артиллерия у них — сила внушительная. Но! Но опять же мороз. Их орудия плохо работают на морозе, не говоря уж об орудийных расчётах».

«Районы расположения выяснили?»

«В общем — да, товарищ полковник, но без разведки боем точную картину нарисовать не могу. Сами понимаете...»

Майков понимал. Артиллерийские позиции — это не передняя линия траншей, которую можно и потрогать, и облазить. Облазить же орудийные позиции за одну ночь — никакой поисковой группе не под силу. Тем более по морозу.

«Выводы?»

«206-я пехотная занимает оборону на правом фланге корпуса. Правее её — уже другой корпус. Если мы нанесём главный удар не в центре наших боевых порядков, а перенесём его левее, то мы попадём на стык двух корпусов. А это, как вы понимаете, самое слабое место в любой обороне».

«На сколько, по вашему мнению, надо перенести направление главного удара?»

«Хотя бы на километр».

Палуша не знал ещё обстановки перед соседней армией, которой предстояло атаковать Ржев в лоб, но ситуация перед фронтом его дивизии вырисовывалась вполне определённо. И замысел всей операции созрел тут же: днём — короткая разведка боем в центре боевых порядков дивизии для выявления системы артогня противника, а ночью — прорыв на узком участке левым флангом с последующим вводом в этот прорыв основных сил. Смущало только время начала операции.

«Как думаешь, Геннадий Алексеевич, можем мы прорвать фронт ночью?» — спросил он командира разведчиков. Трофимов озадаченно покачал головой и осторожно возразил:

«Я думаю, товарищ полковник, это вполне по силам нашей дивизии, но я бы всё же воздержался от ночной атаки. Кто его знает, как оно пойдёт, ведь ночь же... Я бы предпочёл всё же на рассвете. Всё-таки по светлomu — оно надёжнее».

«Как лёд?»

«Хо — лёд! Камень, а не лёд. Любая техника пройдёт».

«Спасибо, капитан. Быть тебе начальником штаба. И быть очень скоро. А 206-я пехотная — не та ли это дивизия у немцев, которая первой на берег Волги вышла?»

«Именно та».

«Ну, что ж, пора и платить».

Глава пятнадцатая

— 1 —

8 января 1942 года вздрогнула земля в окрестностях Ржева. Войска Калининского фронта во взаимодействии с войсками Западного фронта начали грандиозную Ржевско-Вяземскую операцию. Ещё никто не знал в тот момент, что с перерывами продлится эта операция целых 14 месяцев. Что Ржев будет освобождён лишь в марте 1943-го года. Что за это будет заплачено многими сотнями тысяч жизней советских людей. Но в тот момент все точно знали одно: врага надо бить. И целых 14 армий двух фронтов получили приказ: «Вперёд!»

Почти треть всех дивизий врага, несмотря на чувствительное поражение в декабрьских боях, оставались в опасной близости от столицы. «Ржевский выступ» необходимо было срезать, окружив и уничтожив противника. Девять армий Западного фронта, наступая на запад, должны были фронтальными ударами отвлечь на себя основную силу врага, расчленив его ударные группировки на отдельные части. А войска пяти армий Калининского фронта должны были ударом от Ржева на юг во фланг вражеского выступа отсечь всю немецкую группировку армий «Центр» от основных

коммуникаций с запада. Отсечь, встретиться с левофланговыми армиями Западного фронта в районе Вязьмы и завершить полный разгром.

Полковник Майков перенёс главный удар своей дивизии на её левый фланг. Туда, где, по данным разведки, находился стык двух немецких пехотных корпусов. Ему хотелось ещё до конца артподготовки пустить передовые части на волжский лёд, чтобы они как можно дальше прошли по самому опасному для атаки месту — волжской шири, — так и вышло! Хорошо, видать, командиры полков и артиллеристы задачу свою поняли, и потому, как только в час урочный смолкла орудийная канонада, пехота была уже на пути к правому берегу реки. Немцы только головы подняли из укрытий, а цепи атакующих красноармейцев — уж вот они на том берегу. И ещё одну изюминку привнёс в атаку Майков. Один в его распоряжении был танк, всего один, но КВ. Недаром он Трофимова спрашивал про состояние волжского льда; КВ — это ж всё-таки не «двадцатшестёрка», но прошёл танк по льду и даже пролетел на предельной скорости.

Оборона противника была взломана в первые же часы атаки. Как и планировал, Майков немедленно, дабы не дать противнику опомниться, бросил в прорыв все свои резервы. Всё, что могло атаковать и двигаться вперёд. Более того, командующий армией, получив от комдива Майкова донесение об успешном взломе немецкой обороны, тут же перенацелил на успешно атакованный участок все армейские резервы. Соседние с Палушиной дивизии сместились в полосу прорыва и тоже устремились в образовавшуюся дыру в обороне врага. Горловину прорыва было приказано расширить в обе стороны, дабы обезопасить фланги устремившихся вперёд дивизий, и дело пошло ещё быстрее. Уже и войска соседней армии, располагавшейся по фронту левее, перенацелились и вошли в прорыв, стремительно обходя Ржев с запада, отсекая его от всех коммуникаций врага.

Эх, если б ещё и на участках других армий, участвовавших в операции, прорыв обороны противника был столь же успешен... Но оборону противника столь же успешно и быстро прорвать больше не удалось нигде. И вроде бы сила внушительная пошла вперёд — целых пять армий атаковали — но... Но две из пяти армий пошли прямо на Ржев, одна прорвалась в центре боевых порядков, ещё одна устремилась в образовавшуюся дыру в обороне, а вот на правом фланге атакующего фронта загвоздка. Даже через реку войска правофланговой армии, перед которой стояла такая же задача на прорыв, как и перед 39-й, переправиться не смогли. Конечно, атаки и попытки переправы не прекращались и на правом фланге фронта, а это в немалой степени помогало прорвавшимся удерживать горловину прорыва, но задуманное осуществить в полном объёме сразу не удалось.

И командующий фронтом пошёл на риск: все резервы фронта — на прорыв! К Вязьме. Именно там, по замыслу Ставки, должны встретиться войска Западного и Калининского фронтов, завершая окружение всей подмосковной группировки врага. А потому: 39-я армия — только вперёд. Соседней с ней — обеспечить изоляцию с запада Ржева и Сычёвки, где размещался штаб 9-й полевой армии немцев, а также максимально расширить горловину прорыва. Но...

Уже на исходе третьего дня операции, когда всем стало ясно, что взять Ржев с ходу атакой с северо-востока не удаётся, командующий фронтом получил категорическую директиву Ставки:

*Командующему Калининским фронтом
11 января 1942 года 1 час 50 минут, №170007*

В течение 11-го и ни в коем случае не позднее 12-го января овладеть Ржевом. Ставка рекомендует для этой цели использовать имеющиеся в этом районе артиллерийские, миномётные, авиационные силы и громить всюю город Ржев, не останавливаясь перед серьёзными разрушениями города.

Получение подтвердить, исполнение донести.

И. Сталин

Получив такой приказ, подписанный Сталиным, командующий фронтом сразу изменил свои планы. Ржев нужно брать, гласит приказ Ставки. А как это сделать? Прямая атака на город с северо-востока результата не дала: войска завязли в немецкой обороне. Оставалось одно: разворачивать войска, наступающие на Вязьму.

Но тогда под угрозой оказывается весь план операции на окружение противника. Ведь если развернуть 39-ю армию фронтом на восток и атаковать Ржев с запада, то кто же тогда продолжит наступление, начавшееся так успешно? Если остановить это продвижение, то не сработает задуманная Ставкой же ловушка: немцев некому будет окружать, с запада и северо-запада останется дыра во фронте.

Командующий задумался. «А что если развернуть не все прорвавшиеся войска, а лишь их часть?» — вдруг пришла в голову мысль.

«К исходу завтрашнего дня приказано взять Ржев! — сообщил он о директиве Ставки командующему 39-й армии, как только вышел с ним на связь. — Что ты на это

скажешь?»

Командарм: «Ничего».

Комфронта: «Так-таки и ничего? Это же приказ Сталина!»

Командарм: «Мне, товарищ командующий, надо думать, как до Вязьмы дойти, а не как Ржев брат. Приказ-то на окружение немцев ведь никто не отменял, как я понимаю?»

Комфронта: «Нет, не отменял».

Командарм: «Ну, так вот. А у меня пехота выше колена по снегу в атаку идёт. Какой уж тут Ржев, тем более что мы его уже прошли, и он теперь сзади нас. До Вязьмы бы добратся».

Комфронта: «И всё-таки приказ Ставки надо выполнять».

Командарм: «И дался им этот Ржев, чёрт его дери! Дойдём до Вязьмы, закупорим в колечко немчуру — Ржев сам к нашим ногам падёт, когда со всех сторон будет отрезан».

Комфронта: «Да понимаю, Иван Иванович, но, как видишь, Ставка требует иное: Ржев, и чтобы немедленно, к завтраму».

Командарм: «Так ведь и так две наши армии пошли на город. От Москвы у соседей ещё три на том же направлении. Куда ж он денется — Ржев этот? Неужто наступление на Вязьму прекращать?»

Комфронта: «Приказы, как известно, не обсуждаются. Тем более приказы Сталина. Ржев надо брать, и наступление на Вязьму прекращать нельзя — это тоже приказ Ставки».

Командарм: «Но это же невозможно! За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь».

Комфронта: «А придётся ловить! Сделаем так: твоего соседа слева я разворачиваю фронтом на восток и отдаю ему приказ атаковать Ржев с запада. Но на него одного надежды мало — силёнок может не хватить. Поэтому, Иван Иванович, придётся тебе пару дивизий с левого фланга соседу временно переподчинить».

Командарм: «Но я же завязну в снегу окончательно, если так!»

Комфронта: «А я тебе взамен кавалеристов подкину. В городе им всё равно делать нечего, а в поле — в самый раз».

Командарм: «Но там же снегу лошадям по брюхо. Ведь их же немцы перебыют из пулемётов. Без толку погибнут».

Комфронта: «Знаю, что без толку могут погибнуть, но выхода нет: и Ржев надо брать, и на Вязьму наступление продолжать. А в Ржеве кавалерии уж точно развернуться негде. Перебыют на городских улицах».

Командарм: «Но ведь и на вяземском направлении не слаще. Там же в дотах немцы оборону держат».

Комфронта: «В каких ещё дотах? Разведка про это не докладывала. Откуда они там взялись? Зима ведь на дворе... мороз. Когда ж их немцы там построить успели?»

Командарм: «А это наши доты. Их ещё осенью построили для обороны, а обороняться-то нам в них и не пришлось, вот они целёхонькими немцам и достались. А теперь они в них оборону против нас же держат — попробуй-ка их выкури оттуда».

Комфронта: «Кто у тебя в авангарде на вяземском направлении?»

Командарм: «Дивизия полковника Майкова».

Комфронта: «Ну, и как он?»

Командарм: «Ему армией бы в самый раз руководить, удивительного чутья и таланта человек! Оборону немецкую проткнул на берегу, как тряпку шилом».

Комфронта: «Соедини меня с ним».

В трубке раздались щелчки, голоса связистов и, наконец, знакомый голос:

«Полковник Майков слушает!»

Комфронта: «Здравствуй, Павел Федосович!»

Комдив: «Здравия желаю, товарищ командующий!»

Комфронта: «Как ты там? Какая обстановка?»

Комдив: «Туго, товарищ командующий. Очень туго продвигаемся».

Комфронта: «А в чём причина, как считаешь?»

Комдив: «Их несколько. Во-первых, снегу много напало — пехота выше колена проваливается местами. По такому снегу много не атакуешь — пулемётчики немецкие положат всех до одного».

Комфронта: «Но ты же атакуешь».

Комдив: «Лыжники выручают, товарищ командующий. Без них бы встали мы тут намертво и замертво. А так они прорвутся, внимание на себя отвлекут, а уж тем временем пехота остальная подойдёт — вот и продвинулись».

Комфронта: «Что ещё?»

Комдив: «Оборона у немцев крепкая очень. Они её построили на отдельных опор-

ных пунктах в окрестных деревнях, и многие дома превратили в дзоты».

Комфронта: «Это как же?»

Комдив: «Они в подпольях дырки попрорезали для пулемётов, и получились у них самые настоящие дзоты вместо домов. Сидят в подпольях этих, и попробуй их оттуда выковыряй. Пулемётом не возьмёшь, а пушки — их ведь ещё подогнать надо, а по такому снегу не очень-то подгонишь. Издалека же по избе нескоро попадёшь. А им в подпольях и тепло, и сытно. Знай себе воюй».

Комфронта: «И как же с этим ты справляешься?»

Комдив: «А всё так же: лыжники прорвутся в обход деревни — там оборона послабее, а на скорости их пулемётчики немецкие всех сбить не успевают — с тыла или с фланга ударят, вот, глядишь, деревня и наша. И вперёд».

Комфронта: «А ещё что?»

Комдив: «Ну, и силёнок наших маловато, товарищ командующий. Потери большие в передовых частях, боеприпасов мало — экономить приходится, да и кормить ведь чем-то надо людей».

Комфронта: «А я вот собираюсь от тебя ещё людей забрать. Что скажешь, земляк?»

Комдив: «Если честно, товарищ командующий, — после нескольких мгновений молчания откровенно проговорил голос на другом конце провода, — то мы остановимся».

Комфронта: «Я не от твоей дивизии возьму людей, а из других».

Комдив: «Всё равно остановимся. Одна моя дивизия без поддержки соседей ничего не сделает в такой обстановке. Даже если мы пойдём вперёд, как и шли до этого, нам нечем обеспечить будет фланги. Сейчас у нас тут шесть дивизий нашей армии, да ещё и соседи рядом, вот мы вперёд и движемся. А без этого нас немцы окружают в два счёта, и тогда конец».

Комфронта: «Соседей забираем всех безоговорочно. Но и к ним ещё пару дивизий вашей армии. Вместо их — мы с командармом это обговорили — даём вам в помощь кавалерийский корпус».

Комдив: «Погубим лошадей, товарищ командующий! — охнул голос в трубке. — Ведь им же снег по брюхо; как они атаковать-то будут?»

«Сговорились они, что ли? — промелькнуло в голове у комфронта. — Один про снег по брюхо лошадям, другой...»

Комфронта: «Но у нас нет другого выхода, — сказал он в трубку. — Надо попробовать».

«Да что ж стряслось-то там такое?!» — в отчаянии спросил комдив Майков.

Комфронта: «Ржев нам приказано взять к завтрашнему дню — вот что стряслось».

В трубке замолчало, словно бы говоривший на другом конце провода окончательно и бесповоротно потерял дар речи. Несколько мгновений на линии стояла полная тишина, и вдруг:

«Да они там все с ума, что ли, сошли? Разве можно распылять силы при начавшемся наступлении! Разве допустимо начинать решение второй задачи, не завершив первую! Любой ведь взводный знает, что так поступать нельзя. А мы до Вязьмы ещё не дошли. Задачу на окружение противника не выполнили. Это же глупость — разворачиваться нам сейчас на Ржев!»

Это командир дивизии — командующему фронтом.

Комфронта: «Приказы не обсуждаются, а выполняются, тем более, это приказ Ставки! Вам понятно, товарищ полковник?»

Комдив: «Так точно».

Комфронта: «С завтрашнего дня в полосу вашей дивизии прибывают кавалеристы. Обеспечьте с ними полное взаимодействие. Наступление на Вязьму не прекращать ни на минуту. Задача ясна?»

Комдив: «Так точно».

Комфронта: «Выполнять».

Конечно, командующий фронтом всё понимал. Конечно, он, как и его подчинённые, был удивлён приказом Ставки, предписывающим немедленно взять Ржев. Ведь наступление на Вязьму шло так трудно. Ведь оборона немцев на участке Калининского фронта была прорвана лишь в одном месте, хотя предполагалась в двух. Ведь по этой причине продвижение на Вязьму осложнялось вдвойне. А это была главная задача фронта — прорваться к Вязьме и перерезать магистраль Москва — Смоленск, по которой велось снабжение всей центральной группировки врага. Невыполнение этой задачи грозило срывом всей грандиозной операции на уничтожение врага на московском направлении. И вдруг Ржев! Зачем? Зачем такая срочность? Ведь для выполнения такого приказа требовалось как минимум перенацелить часть сил, забрав их с главного направления. Перенацелить, а значит, ослабить ударную группировку, движущуюся на Вязьму. Неужели эта срочность нужна только для того, чтобы сгла-

дить неудавшуюся попытку овладения городом атакой с ходу? Не слишком ли дорогой ценой? Ведь под угрозой вся операция на окружение врага! Неужели в Ставке этого не понимают? Неужели наглядная тактика немцев за весь предыдущий период войны, когда они применяли как раз массированную концентрацию сил на узких участках прорыва с дальнейшим быстрым продвижением вперёд, ничему не научила высшее командование? Или там, на самом верху, считают, что Красная Армия уже так сильна, что способна наступать на всём фронте?

«А что делает Жуков? — осенило вдруг комфронта. — Где армии Западного фронта? Чем они занимаются? А ведь их же там чуть не вдвое больше, чем у нас. Ведь под командованием Жукова аж девять армий. Почему они не прорываются к Ржеву? — командующий мысленно прикинул расположение войск у соседей, расстояние от них до линии, по которой ведётся наступление Калининского фронта, и снова удивился: — Но ведь им же больше совсем нечего делать! Это нам можно развернуться и на юг для выполнения главной задачи, и на восток для удара по Ржеву, а им? Им же, если воевать, некуда деваться, кроме как идти вперёд — на Ржев и его окрестности. Почему им не отдадут такой приказ? Почему нас разворачивают чуть ли не назад и влево, чтобы взять Ржев?..»

— 2 —

Наконец-то и войска правофланговой армии прорвали оборону врага на своём участке и устремились через Волгу, как и за неделю до этого дивизии 39-й армии. И сразу всё переменялось. Мгновенно 23-й пехотный корпус противника, столь много хлопот доставивший при прорыве обороны, оказался отрезан от основных сил и блокирован на небольшом плацдарме со всех сторон, так что ни у кого не оставалось сомнений в его дальнейшей судьбе. Осталось лишь дожидаться дня, когда противник сложит оружие и прекратит сопротивление окончательно.

Авангардная 39-я армия для наступления на Вязьму получила могучую поддержку со стороны еще одной полнокровной армии, которая значительно расширила фронт общего наступления. Событие это — прорыв на правом фланге фронта — было важно ещё и потому, что одна из задач, поставленная перед Калининским фронтом — освобождение Ржева — так и осталась невыполненной. Уже три армии вели наступление на город, взяв его в полукольцо, но сломить оборону врага так и не удавалось.

Не менее важное и удивительное событие тех дней — кавалеристы, введённые в бой на другой день после получения грозной директивы Ставки взамен развёрнутых на Ржев дивизий, прорвали немецкую оборону. Прорвали, несмотря на сильнейший пулемётный огонь из дзотов, оборудованных в подвалах деревенских домов. Прорвали и стремительно пошли вперёд к конечной цели — Вязьме. Дерзко, решительно, безостановочно. И увлекли за собой пехоту. За четыре дня непрерывных боёв на момент прорыва обороны противника ещё одной армией на правом фланге фронта кавкорпус был уже далеко впереди: в тылу многочисленной армейской группировки врага, нацеленной на Москву. И все вдруг увидели, что до победы под Вязьмой — рукой подать! Надо только её протянуть — эту самую руку.

Именно эту цель — поскорее встретиться с успешно идущими с севера войсками Калининского фронта, дабы окончательно замкнуть кольцо гигантского окружения центральной группировки врага, — преследовал приказ командующего Западным фронтом Жукова, отданный командующему 33-й армии: ударной группе этой армии безостановочно двигаться на Вязьму. Двигаться так же, как и дивизиям 39-й у соседей. Обходя незначительные гарнизоны и не ввязываясь в стычки с мелкими группами захватчиков. Единственная цель — Вязьма! Главная задача — соединение с соседями и окружение противника.

— 3 —

Первое, о чём подумал генерал Гуго Хёфль, когда узнал о прорыве русских войск на левом фланге корпуса, в состав которого входила его дивизия, что его военной карьере наступил конец. Русские просочились через линию обороны целой армией: наступающий поток был столь широк и могуч, что ни о какой ликвидации этого прорыва своими силами не могло быть и речи. Плюс — такой же наступающий поток противника на правом фланге, где и находилась 206-я пехотная дивизия Хёфля. Становилось ясно: для 23-го армейского корпуса наступила настоящая катастрофа, и дни его сочтены, о чем Хёфль только и думал после того, как ему стало известно, что фюрер, узнав о случившемся, разрешил войскам отход.

Но о каком отходе речь? Отойти могли все другие войска 9-й армии, оказавшиеся под этим злосчастным Ржевом, ибо они не теряли связи с основными силами, хотя и

были выдвинуты вперёд на Ржевском выступе. А что делать ему — командиру 206-й пехотной? Куда отходить 23-му корпусу, в состав которого 206-я входила, если кругом только противник? Причём многократно превосходящий в силе противник, атакующий всеми 14-ю армиями, две из которых уже прорвались с северного фланга подмосковной группировки, а им навстречу двинулась ещё одна с фланга противоположно. Оставалось только отбиваться от непрерывных атак и ждать конца.

Катастрофа нависла не только над 23-м армейским корпусом и 9-й полевой армией, которой был разрешён отход, но и над всей центральной группировкой Вермахта на московском направлении, ибо ликвидация этой армии расстраивала все боевые порядки и связи, сформировавшиеся за время всех предыдущих боёв. На другой день после прорыва обороны на левом фланге 23-го корпуса командующий 9-й армией генерал-полковник Штраух был снят со своего поста. Новый командующий — танковый генерал Вальтер Модель — слыл в войсках главным «пожарным» фюрера и вновь отличился в этой роли. Очень скоро ситуация переменилась.

Командир окружённого 23-го корпуса получил категорический приказ Моделя держаться на занимаемых позициях. Модель пообещал скорую помощь и обещание своё исполнил, организовав воздушный мост, по которому транспортные самолёты стали доставлять окружённому корпусу всё необходимое для сопротивления, а обратными рейсами вывозить раненых и обмороженных. Воздушный мост вселил уверенность в обречённых. Генерал Хёфль воспрял духом. А дальше последовало чудесное спасение окруженной группировки. Модель принял экстренные меры, позволившие заткнуть горловину прорыва на правом фланге 23-го корпуса. Ту самую, у которой стояла 206-я пехотная дивизия Хёфля. Дыра в обороне между двумя корпусами, проделанная русскими в первый же день наступления, была заделана, и 23-й армейский корпус деблокирован.

А перед войсками Красной Армии вновь выросла стена вражеской обороны, по другую сторону которой оказались в тяжелейшем положении дивизии, рвущиеся к Вязьме. Одна из армий, развёрнутая для удара на Ржев с запада, оказалась в окружении, и две другие армии, наступающие на Вязьму, а вместе с ними и кавалерийский корпус, попали в глубокий мешок.

Глава двадцать первая

– 2 –

Всё что угодно ожидал Палуша, когда шёл по вызову в штаб фронта. Вплоть до ареста и отправки под трибунал за то, что от 39-й армии, в которой он был командиром дивизии, ничего не осталось, и она была по этой причине расформирована. Кого угодно в штабе этом увидеть был готов, но только не того, кого увидел в действительности: в помешении, куда его проводили, за столом сидел... Ванька «Кот».

«Ты хочешь спросить, как я тут оказался? — словно бы читая мысли Майкова, проговорил вопросительно Кошелев. — Всё очень просто. Как ты, наверное, знаешь — бывший командующий Ленинградским военным округом стал начальником Генерального штаба. А он хорошо узнал меня за время нашей совместной службы, и ты тут сыграл не последнюю роль. Не забыл, как мы от трибунала избавляли тебя в 39-м?»

«Не забыл».

«Ну, дак вот: когда Мерецкова назначили на Генштаб, он самых верных забрал с собой в Москву, и я в число этих людей попал. А значит, попал и в Москву. Мерецкова уж сменили, и Жукова почти что сразу же сменили тоже, как война началась; сейчас, как ты, поди, знаешь, в Генштабе опять Шапошников, а я вот всё остался. И вот теперь дано мне поручение — проверить высший комсостав 39-й армии, которому удалось выйти из окружения».

«А чего его проверять? — хмыкнул Майков. — Анализы сдавать в санчасти, что ли? Не шибко ли мы обделались тамока в колечке узнать — так, что ли? Вышел, значит, вышел — вот и вся проверка!» — Палуша поглядел на друга с откровенной злобой.

«Не дерзи, Палуша. Я всё-таки полковник Генерального штаба. И не всё так просто, как ты можешь подумать. Ведь выходили-то вы не с деревенской пирушки, а из вражеского окружения. Приказ №227 читал?»

«Ни шагу назад который?»

«Хоть там и не говорится ничего о том, что нам надо устроить бдительность в таких вот ситуациях, как получилось с 39-й, но на словах сопровождается».

«Что, и со мной бдительность утраивать будешь?»

«Не дерзи, Палуша!» — повторил Кошелев.

«Да что же мне, елей вокруг себя теперь себя разливать прикажешь, что ли? — Палуша аж привстал со своего места. — Ты знаешь ли, через чего прошли мои бойцы, поку-

да прорывались? Знаешь ли ты, что я самолично вот этими вот руками лопатой головы крушил фашистам в рукопашной, когда у меня патроны кончились? А сколько полегло нас там, в лесах, при попытках прорваться? А сколько так и осталось не прорвавшихся, потому что сил у них уже не оставалось для драки — это ты знаешь?» — глаза Палуши пылали гневным огнём, весь он подался вперёд через стол навстречу собеседнику, словно собираясь и с ним схлестнуться в рукопашной, как бывало в родной деревне, но Кошелев остановил его коротким злым словом:

«Знаю!»

«Хреново знаешь! — всё ещё полыхал Палуша праведным гневом. — Вам тут, в штабах, в тылу, тепло и сытно — что вы можете про нас на передовой знать?»

«А вот я сейчас как встану и как дам тебе в ухо со всего плеча, — угрожающе медленно поднялся со своего места «Кот», — ты и поймёшь, чего мы можем знать, а чего нет. Ишь — разошёлся!»

Палуша утих.

«Прости, Ванька! — опустил он покаянно голову. — Горько шибко на душе ото всего...»

Помолчали оба, словно заново привыкая друг к другу.

«Ладно, проехали, — примирительно произнёс «Кот». — Но всё равно вопросы у меня к тебе остались».

«Какие ишо вопросы?»

«Ну, например, самый главный: в чём, по-твоему, причина нашего такого поражения?» — «Кот» наклонил голову к плечу и подался вперёд.

«А тебе зачем про это знать?» — сделал Палуша то же самое.

«Как это — зачем? — удивился Кошелев, откидываясь назад. — Я — представитель Генштаба, мне дано поручение — разобраться во всём на месте, выяснить причины нашего поражения, определить виновных...»

«Вино-о-овных? — удивлённой растяжкой проговорил Палуша. — Не в то место ты приехал разбираться, Ванька».

«Как это — не в то? — опять деланно удивился «Кот». — А где, по-твоему, всё это происходило?»

«В Ставке!» — уперевшись взглядом-бровнем прямо в лицо земляку, как это всегда мог делать только он, выпалил Майков.

«Да ты... да ты чево... Палуша? Уж не рехнулся ль часом?» — совсем потрясённый услышанным, заикался Кошелев.

«Не рехнулся».

«И ты вот так вот прямо мне это говоришь? Я же представитель Генштаба».

«Потому-то я тебе вот так вот прямо и говорю. И ишо скажу, что только одному тебе вот так вот я сказать и могу. Потому что ты — не сука тыловая, и в глаза смерти мы с тобой и под Кемью глядели вдвоём да победили, и на Онеге, когда в белу армию внедрились. А ещё потому, что ты голову свою на кон в 37-м поставил, но на меня кляузу не настрочил. Понял?»

«Ну... понял», — тихо выговорил Кошелев.

«А коли понял да знать хочешь, дак послушай!»

Палуша набрал в грудь побольше воздуха, словно собираясь нырнуть в глубокий омут, и начал:

«Ведь как всё хорошо да правильно спланировано было поначалу. Ведь любо-дорого же было посмотреть на план и силы, которые должны были бы его выполнить и немчурю разбить. Всё предусмотрели и даже резервный удар 20-й — нашего, считай, соседа слева — и как складно всё пошло. Мы у себя фронт сразу же прорвали и пошли на Вязьму, через неделю 22-я на нашем фронте тоже прорвалась, и сразу же немецкий 23-й корпус окружённым оказался. Корпус, Ванька, понимаешь? Эт тебе не полк и даже не дивизия. Эт как минимум тыщ пятьдесят. А 20-я как пошла? Ведь любо-дорого взглянуть, как они дело своё сделали. Деревню за деревней, посёлок за посёлком освобождать начали. Как курьерский поезд, по расписанию пошли. Как было в директиве Ставки указано, так и шли. И всё у них получалось. День-два ещё — от силы если три — и вышли бы они на нас. Ведь мы же по сходящимся направлениям наступали: они с востока на запад, а мы с севера на юг. И соединились бы, ты понимаешь, Ванька, они с нами. И где тогда был бы Ржев? А в таком же колечке, как и 23-й корпус. И я гроша бы ломаного не дал за будущее немецкой группировки, которую мы бы тамока заперли. Ручки бы задрала немчуря, как миленькая, когда бы мы отрезали их с помощью 20-й от своих. И как бы нам на Вязьму было легче продвигаться после этого. наших две армии да плюс 29-я, которую на кой-то леший развернули не пошто назад на этот самый Ржев, и плюс ещё 20-я. Да мы бы эту Вязьму взяли бы в два счёта ещё в январе с такой-то силой. Ведь мы же вышли к ней даже теми силами, которые имели. Ты это понимаешь ли, Ванька? А дальше бы навстречу Западному фронту двигаться могли,

коли у них там ни хрена не получилось и фронт прорвать ни одна армия из девяти не смогла, кроме 20-й. И взяли бы немчуру в колечко всю, какая там имела, и задумка Генштаба была бы выполнена. А ты понимаешь, Ванька, что бы это значило? — Палуша перегнулся через стол чуть ли не вплотную к лицу Кошелева и упёрся в него немигающим взглядом-бревном. — Это же разгром полнейший был бы немчуре! — чуть ли не выкрикнул он. — И, главное дело, к этому всё шло, хоть весь Западный фронт, считай, и с места не пошевелился, кроме 20-й».

«А что ж не вышло-то, коль так?» — вставился собеседник.

Палуша опять пристально поглядел в лицо друга, словно желая убедиться: уж не притворяется ли он, говоря так? Но встречный взгляд «Кота» был прямым и искренним. Он действительно выражал желание полковника Кошелева знать, как было всё на самом деле.

«И вот ты скажи мне, друг мой лучший: кому это там, на самом верху, в голову пришло в самый разгар боёв 20-ю разуть?»

«Как это — разуть? — не понял Ванька.

«А так это: 1-ю ударную — её правого соседа — сняли и отправили на Северо-Западный. А это более 100 тысяч человек. Армия-то ударная. А 16-ю армию — левого соседа 20-й — в то же время обезглавили. Всё её полевое управление на левый фланг угнали. Другую армию чтоб там возглавить — чул я. Ну, скажи на милость мне: разве можно эдакие перестановки затевать, когда уж бой вовсю идёт? Ведь же, считай, без малого 100 тысяч человек без привычного командования осталось. Думаешь, это не сказало на их боеспособности? — Палуша упёрся колючим взглядом прямо в лицо собеседнику, ожидая от него ответа, но «Кот» молчал. — Ещё как сказало, — ответил Палуша на свой же вопрос. — Да кабы хоть на этом и всё кончилось, дак ведь и это-то ишо не всё».

«А чего ещё?» — с неподдельным интересом произнёс Кошелев.

«Дак ведь армию-то Лелюшенко тоже сняли и на укрепление прорыва в центре нашего фронта переправили. И хоть абсолютно правильным было это решение — прорыв наш надо было удержать во что бы то ни стало — но выполнено оно было бестолково, да и с проволочками. В итоге 30-я армия прибыть на нужное место опоздала, а Власов с 20-й остался один на фронте, где до этого было три полные армии. Да ишо и ударная одна из них. И, конечно, он остановился. Это же ведь дураком быть надо полным, чтобы дальше наступать, когда у тебя один фланг голый на десятки километров, а другой безголовый. В два счёта в колечке окажешься. Вот Власову и пришлось растянуть свои войска по фронту, чтоб прикрыть ими оголённые участки и занять оборону. Какое уж тут, к лешему, наступление? Тут устоять бы хоть. А ведь как пошёл. Как пошёл! Эх-х... Мы бы уж с тобой сейчас тут водку пили за победу, каб не это вот головотяпство чьё-то там на самом верху».

«Ну, ты, Палуша, вообще-то поосторожней так-то вот... — понизив голос, попытался остановить земляка «Кот». — Я всё ж таки представитель Генштаба».

«Ты прежде всего представитель Уйдомы! — чуть ли не рявкнул в ответ разгорячённый Майков. — И не перед кем-то там наверху держать тебе главный ответ, а перед уйдомскими бабами, которые вдовами нынешним летом стали, да перед их детьми, которые отцов зазря лишились из-за этого головотяпства. Уж сколько немцы нас за прошлый год учили, сколь наглядно показывали, что коли начал бить в одном месте, то все силы туда надо направлять, пока дело до конца не доведёт. Доделал одно дело — вот тогда уж берись за другое, а мы чево? Обрадовались, поди-ко, где-то наверху, что шибко гладко всё пошло у нас, что на Калининском мы прорвали фронт, что отсекаем немцев с запада от их тылов, что 20-я на Западном пошла вперёд, как курьерский поезд, вот, видно, и решил там кто-то наверху, что уж дальше-то и шапками мы фрицев закидаем. Вот и взял одну армию да угнал её на северо-запад, а другую обезглавил. И получился шиш: не токо што не закидали никого шапками сами, но и нас-то растоптали, как червей. Мы, что ли, в этом виноваты были?»

«Остынь, Палуша», — попытался остановить друга Кошелев.

«Да как остыть-то, Ванька? Как остыть-то, ежели от нашей армии кому-то там наверху в голову пришло половину дивизий повернуть назад да влево, чтобы взять Ржев? И не просто взять, а взять срочно. А на кой бы он нам леший на ту пору Ржев-то этот был? И так бы мы его в колечко взяли, если бы 1-ю ударную с фронта не сняли да на северо-запад не перебросили. 20-ю ведь не удержать было ничем, до того она хорошо пошла. День-два ещё — и всё. Соединилась бы 20-я с нами, и был бы Ржев в колечке, из которого уж никогда бы не выполз. Как остыть-то, ежели мы чуть ли по брюхо в снегу до Вязьмы шли и всё равно дошли ведь, хоть и разорвали нашу армию надвое этим бестолковым приказом об освобождении Ржева. Дошли и сами вяпались в немецкий мешок по самые уши! — Палуша резко махнул рукой и тяжело молча задышал. Молчал и «Кот».

«Как остыть-то, Ванька, коли я собственными глазами видел, как губили мы своих бойцов в болотах, когда прорывались потом из окружения? — продолжил Майков через несколько мгновений молчания. — Сколько их погибло там за просто так? Сколько ранеными умирать осталось в этих самых болотах? Сколько к немцам в плен попало, потому что нечем воевать осталось, окромя кулаков? Многие тысячи. И это земляки всё наши, если говорить про 39-ю. Уйдомцы середь их гибли так-то вот, ты понимаешь, Ванька, за чево душа моя болит? И я — их командир — ничего сделать для них не мог. Только на смерть поднять. В последнюю атаку. На прорыв. На пулемёты немецкие...»

Палуша споткнулся на последнем слове, словно запнувшись за него, резко опустил голову и замолчал. Минуту-другую в помещении стояла тишина. Потом Кошелев встал со своего места, подошёл к Майкову и молча положил свою руку на его плечо. Ещё помолчали оба после этого, но это уже было врачующее души молчание.

«Я очень хорошо понимаю тебя, Палуша, — первым заговорил «Кот». — Мы слишком много раз вдвоём с тобой пережитрили смерть в Гражданскую, чтоб это не понять. И говоришь ты честно, как настоящий мужик, но только очень я тебя прошу: ради Христа, больше никому вот так ни слова, — и вторую руку на другое Палушино плечо положил. — Таких, как ты, у нас немного в армии, и все вы должны жить. Не гнить где-нибудь в лагере или, не дай Бог, «к стенке» быть приставлены. Ты меня понял? Нам ещё врага надо разбить, а делать это надо головой прежде всего. Хоть бойцу, хоть командиру. А командиру так ещё и в первую очередь», — опять замолчали.

«Да понял я тебя, Ванька, — тихо проговорил Палуша. — И знаю я всё хорошо, да только шибко душу жгёт: отэстолько народу положили, а за что? Ведь всё бы по-другому могло быть, кабы не распыляли силы. Когда как начали, так и продолжали бы операцию. Разорвали бы весь их фронт в клочья, отсекали бы всю их группировку от снабжения, а там уж по частям всех до весны бы и добили — вот тебе вся и причина из первых, так сказать, рук. И это уж я тебе как участник всего происшедшего говорю, потому что видел всё своими глазами и решимость бойцов видел тоже».

Кошелев согласно закивал головой, словно подтверждая этим, что он принял услышанное, знает всё, как было и как думают об этом люди. Снова помолчали.

«Не хотел тебе говорить, — неожиданно сказал Кошелев, — но ты сам про это начал, дак уж я тебе скажу: ты про генерала Власова впредь поосторожней так-то вот, как мне сейчас».

«Это ещё почему?» — насторожился Майков.

«Дак... предатель он».

«Кто?! — воскликнул Палуша. — Власов?!»

«Ну да».

«Да ты што, Ванька, совсем сдурел — такое говорить!»

«И ничего я не сдурел, — сердито отозвался «Кот». — Сказано: генерал Власов — предатель, значит, предатель. Он немцам добровольно в плен сдался».

«Ванька, японский городской, ты чево говоришь-то? — достиг Палуша верха удивления, возмущения и недоверия одновременно. — Ты хоть понимаешь, что предатель столицу государства не обороняет так примерно, как об этом «Правда» минувшей зимой писала. Два месяца Киев в одиночку одной своей армией, даже оставшись почти в полном окружении, не удерживает. Столь образцово наступление, как нынче на Западном фронте, не организовывает. А ведь это же всё один и тот же человек сделал. И имя этого человека — генерал Власов».

«За свои успехи он получил сполна, — сказал Кошелев. — И звание очередное — генерал-лейтенанта — ему дали, и с повышением на Волховский фронт направили. Ведь он же с весны этого года заместителем командующего Волховским фронтом был. А если этот же, как ты говоришь, человек теперь у немцев, то кто же он?»

«Не понимаю, — замолтал головой Палуша. — Как он там оказался?»

«А его во 2-ю ударную направили положение выправлять».

«Что, с понижением?»

«Да не, — пояснил Кошелев. — Его отправили как вроде бы с инспекцией».

«А чего хоть вообще там было-то?»

«А ты разве не слышал?»

«Да откуда? У меня тут и своих делов по горло было».

«Ну, в общем, было принято решение на прорыв блокады Ленинграда. По этому плану предполагалось нанести два встречных удара: один со стороны Ленинградского фронта, а другой со стороны Волховского. Чтобы они соединились и блокаду бы прорвали. Со стороны Волховского фронта ещё зимой в наступление пошла 2-я ударная армия, но у неё ничего из намеченного не получилось, и Мерецков настоял сменить командующего. А то там Соколов был из НКВД. Его сменили, и дело пошло. Армия прорвала оборону немцев и очень глубоко продвинулась в сторону Ленинграда. Немного бы и оставалось-то до выполнения задуманного, но как-то очень уж плохо шла

на соединение 54-я армия со стороны Ленинградского фронта. Если точнее говорить, то она, в общем-то, почти и не передвигалась. Вот и вышло, что 2-я ударная прорвалась глубоко, как в мешок, выполняя задачу, а соседи с флангов ей не помогли. Ни свои, с Волховского фронта, чтобы расширить хоть бы горловину прорыва, ни со стороны Ленинградского. Вот сил и не хватило на окончательный прорыв. Немцы горловину перерезали, и армия попала в окружение».

«Как 33-я на Западном?»

«Как 33-я на Западном», — эхом отозвался Кошелев.

«И что дальше?»

«А дальше туда и направили Власова».

«С инспекцией...»

«Да как тебе сказать, — замылся Кошелев, — оно-то вроде бы и так, но больше это всё на скорую помощь походило. Армия была уже в положении безнадежном, вот и решили: если уж Власов Киев в одиночку с 37-й армией два месяца держал и фрицев в его не пускал в то время, когда весь фронт на 200 километров на восток откатился и справа и слева, если под Москвой отличился, немцев, в обход Москвы с севера идущих, под Солнечногорском остановил, то уж под Волховом-то разберётся запросто».

«Ну, и чево?»

«Да ничево, — отрезал Кошелев. — Он сразу же сообщил, что армия на выполнение задачи не имеет сил. Нет ни людей, ни вооружения, ни боеприпасов, ни еды, в конце концов. Пытаться наступать дальше — значит зря погубить армию. И после этого попросил разрешения на вывод армии из окружения».

«И что дальше?»

«А дальше начался выход из этого самого окружения. Армию даже разблокировали для этого дела, правда, ненадолго; немцы вскорости опять горловину мешка закупирили, и прорываться из окружения пришлось с боями; кто-то вышел, а кто-то и нет».

«А Власов?»

«А Власов перешёл к немцам — я уж те говорил».

«Как то ись перешёл? Что: вот просто так взял и перешёл?» — спросил потрясённый Палуша.

«Да, вот так вот просто взял и перешёл», — подтвердил «Кот».

«Что, один?» — совсем уж сбитый с толку уточнил Майков.

«С бабой!» — пояснил Кошелев.

Тихо сделалось. В голове Палушиной не укладывалось то, что он только что услышал. Не сходилось с его представлениями об этом человеке. С рассказами о нём, с газетными публикациями, с делами его фронтовыми.

«Не верю», — воскликнул он.

«Чему ты не веришь?»

«Переходу Власова к немцам не верю».

«Вот чудак человек, — теперь уж и Ванькин черёд наступил воскликнуть. — Ну, если он у немцев и уже воззвание написал к красноармейцам, чтобы те против Сталина объединялись ради спасения родины, то где же он? На чьей стороне?»

Опять тишина повисла в воздухе. Ни звука. Ни голоса. Ни шевеления.

«Всё равно не верится, — замотал головой Палуша. — Чтобы генерал да столько урона немцам нанёсший и вдруг на их сторону?.. Да ещё и добровольно, как ты говоришь».

«Ну, это ты можешь верить, можешь не верить, а язык попридержи насчёт Власова, — строго проговорил Кошелев. — А то, не ровен час, запишут и тебя в предатели, как всю 2-ю ударную. Оттого и меня-то послали проверить высший комсостав, вышедший из окружения. Надеюсь, теперь ты понял почему?»

«Да уж как не понять», — глухо отозвался потрясённый Майков.

«А кстати, кому это ты в Генштабе так крепко насолил?»

«Я-я-я?»

«Да, ты».

«С чево ты взял?»

«А с того, что командующий фронтом за тебя лично поручился, представление «на генерала» тебе написал и рекомендацию «на штаб армии» как минимум, если уж не сразу командармом, хоть ты и всего-то ещё полковник».

«И што?» — у Палуши аж дыхание перехватило от удивления и слов более никаких не нашлось.

«А то, что «заиграли» где-то в Генштабе это представление, — ответил «Кот». — Под сукно, как говорится, положили, а то и того хуже — прямо в нужник. И сделать это, как мы с командующим во мнении сошлись, мог только тот, кто знает тебя лично и кому ты где-то как-то крепко насолил».

«А почему вы так подумали?» — ещё не улавливая логики, спросил Майков.

«А потому, дорогой ты мой земляк, что командующий наш в Генштабе на очень хорошем счету. Его сейчас на весь Западный фронт вместо Жукова хотят поставить и, конечно, с мнением его считаются. Так что, товарищ генерал Майков, вышел бы ты сейчас отсюда уж если бы и не командармом, то уж начштаба точно».

«А почему отсюда?»

«Да потому, что Шапошников меня сюда для того и направил, чтобы лично проверить пригодность для дальнейшего использования тех, кто вышел из окружения. А поскольку ты на меня чуть ли не с мордобоем через стол полез, то я точно теперь уверен, что ничего с тобой немчура не сделала и никакое окружение не заломало. Ибо заломанные на представителя Генштаба с кулаками не лезут, пусть даже они и земляки с одной деревни», — Кошелев широко разувался при этих словах и расслабленно откинулся на спинку стула.

«Спасибо, Ванька, — отозвался совсем ошарашенный Палуша. — А то уж я подумал, что ты крысой тыловой заделался совсем — прости за-ради Христа, облегчи душу».

«Ладно, Палуша, ладно, — примирительно протянул руку земляку «Кот». — Я уж те сказал — проехали, — они обменялись крепкими рукопожатиями прямо над столом и снова уселись на свои места. — Принято решение: 39-ю армию сформировать заново. Мне дали поручение разобраться с командным составом. Как ты сам понимаешь, тем, кто вышел и не сломался, навроде тебя, цены ведь нет в будущих боях. А командиры в резервной — сплошь и рядом бывшие директора разных предприятий. Что они смыслят в нашем деле? Это ж ведь не производство какое-нибудь, хоть и там командовать приходится. Вот ты и намечался комфронтотом уж если не на командарма сразу, то на начштаба армии точно. И, как я теперь вижу, правильно намечался. Но ставить тебя опять придётся на дивизию. Так-то вот, Палуша, — Кошелев сделал выразительный кивок головой, который означал что-то вроде «плетью обуха не перешибёшь». — Так что подумай на досуге, кому это ты дорогу мог перебежать в Генштабе», — и уставился на Палушу немигающими глазами, словно бы уже ожидая ясного ответа. Но Майков вместо какого-либо пояснения спросил:

«А зачем мне это надо, Ванька?»

«Что — зачем?» — не понял «Кот».

«Зачем я буду думать, кому я там где-то дорогу перебежал? Я ведь на евоное место не полз и не поползу. А что до боя, то мне и дивизии хватит, чтобы её фрицев бить повести».

«Вот такой ты мне всегда нравился, Палуша! — радостно заключил Кошелев. — Вот на такого я всегда похожим быть хотел. На том и порешим, товарищ командир дивизии, — последние слова вроде бы свидетельствовали об окончании разговора, но Кошелев его почему-то не завершал. Сидел молча, опустив голову, словно разглядывая на столе что-то или читая, и вдруг, поставив её ровно, кинул прямой взгляд на земляка. — Ну, а меня, товарищ комдив, возьмёшь к себе в дивизию? Я бы и батальон в твоей дивизии в бой повёл, а не то что полк. Да что батальон — роту бы повёл в атаку, даром что полковник, лишь бы под твоим началом».

«Ты чево, Ванька?» — растерянно проговорил обомлевший Палуша.

«А то, что если в бой, то я б хотел с тобой идти — вот чего, — совсем посерьезнев, пояснил Кошелев. — У тебя же ведь дар божий, Палуша. Понимаешь ли ты это? И мне дозарезу обидно, что какая-то действительно тыловая крыса этот дар в тебе зарубить хочет. А я вот в бой хочу под твоим командованием. Чтобы даже по одним коридорам с такими крысами не хаживать, теперь ты понял?»

Майков обомлел окончательно.

«Ты чево, Ванька? — не находя других слов, повторил Палуша уже сказанное. — Ведь там же... — Палуша запнулся. — Ведь там же убивают».

Ванька тяжело вздохнул и заговорил горячо, быстро выталкивая слова изо рта, как если бы они жгли изнутри всё его существо:

«А как, ты думаешь, я ко своим родителям вернусь, коль жив останусь, в тылу отсидевшись, когда война закончится? Какими глазами на их и всех уйдомцев посмотрю, если точно знаю, что 39-я, где наших земляков не счесть было, разбита подо Ржевом в прах? Это уж я тебе как представитель Генштаба говорю, который эту всю цифирь как свои пальцы знает. И как я после этого бабонькам уйдомским, мужей своих лишившимся али сыновей, в глаза глядеть буду? Я, ни одного фрица не убивший! Кто же я, по-твоему, в глазах их буду? И как мне после этого всего на белом свете жить?»

Палуша поднялся со своего места, медленно обогнул стол, за которым сидел его земляк-односельчанин, подошёл к нему вплотную, дождался, когда он тоже поднимется со своего места, и крепко стиснул в своих объятиях.